

ИЗ АРХИВА ХВОСТОВА

Публикация А. В. Западова

1. Д. И. ХВОСТОВ И ЕГО «ЗАПИСКИ»

Приговор современников, подкрепленный оценкою позднейших поколений, бесповоротно зачислил поэта Дмитрия Ивановича Хвостова в разряд бездарных графоманов. Заклейменный десятками эпиграмм, высмеянный в журнальных статьях, обойденный биографическими словарями и хрестоматиями — Хвостов предстоит перед нами, окруженный сонмом бесчисленных анекдотов. Но именно это и спасло его имя от окончательного забвения. Творения Хвостова, которыми он рассчитывал обессмертить свое имя, для 20—30-х годов XIX в. представляли только исторический и юмористический интерес; возродить их в наши дни было бы делом заведомо ненужным и безуспешным. Разумеется, во всем обширном его литературном наследстве отыщется немало отдельных хороших строк, строф и целых стихотворений, но все же традиционное отношение к Хвостову как к смешному и бездарному поэту, установившееся в прошлом веке, не лишено оснований.

Хвостов начал писать, примерно, в половине 70-х годов XVIII в. В 1779 г., 22 лет, он выступил с пьесой «Легковерный», игранный на придворном театре в присутствии императрицы и имевшей шумный успех. Хвостов перевел еще несколько пьес, в том числе в 1791 г. трагедию Расина «Андромаха». И пьесы и стихи его этой поры стоят вполне на уровне тогдашней литературы. Хвостов слагался как поэт в последнюю четверть XVIII в., известность «певца Фелицы» росла на его глазах, и ему суждено было видеть весь расцвет гения Пушкина. Пятьдесят лет провел он в литературе, и каких лет! Но во времена Пушкина переучиваться ему было поздно, да, повидимому, он и не ощущал этой необходимости, будучи совершенно уверенным в своем необычайном поэтическом даровании.

Тем не менее, неудачная поэтическая деятельность Хвостова, к которой однако также следовало бы присмотреться внимательней, не полагаясь только на цитаты, выхваченные авторами анекдотов и эпиграмм, не исчерпывает его значения для истории литературы. Он много трудился над разработкой вопросов поэтики. В 1805 г. он перевел на русский язык «L'art poétique» Буало, совершив этим полезное и важное дело. В архиве его сохранились главы рассу-

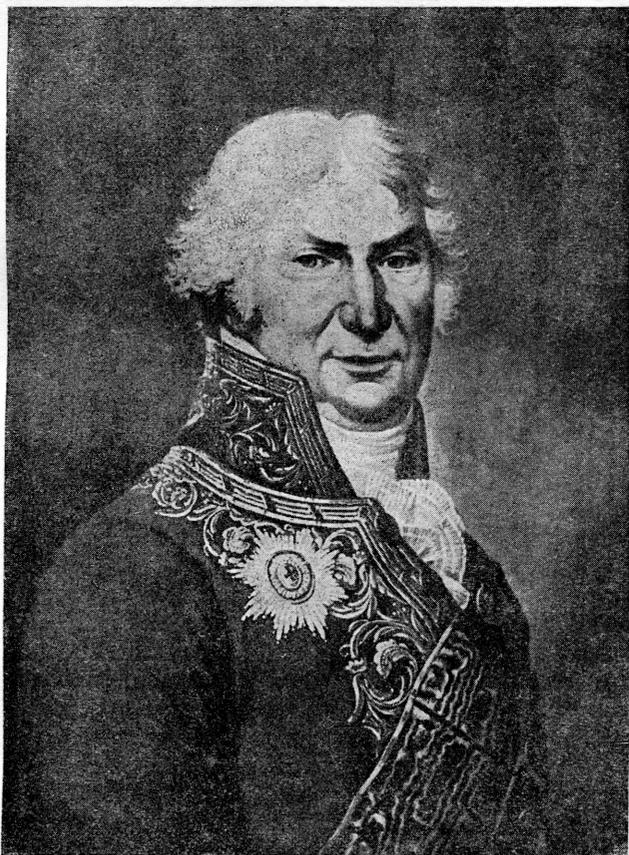
ждения о правилах российского стихотворения, рассуждения о критике. Эти темы он не раз развивал и в своих стихотворных произведениях (послания к Писареву, Гнедичу, «Совет питомцам муз» и др.).

На ряду с Евгением Болховитиновым Хвостов выступает одним из ревностных зачинателей биобиблиографии в России. В продолжение многих лет он собирает материалы для словаря писателей, представляет их в Российскую Академию, делится с Евгением, содействует ему в его трудах, ведет дружбу с библиографом Анастасевичем, ищет знакомства с Сопиковым, тщательно собирает и хранит письма писателей. День за днем он заносит в свои записки события литературно-общественной жизни, приводит свои и чужие мнения о книгах и их авторах, намереваясь, повидимому издать их, и огромный накопленный им архив содержит в себе богатый материал, в небольшой еще степени подвергнутый исследованию.

Архив этот, хранящийся в Институте литературы Академии Наук, куда он перешел из библиотеки М. И. Семевского, состоит из восьмидесяти переплетенных объемистых томов; число листов некоторых из них доходит до трехсот. По времени он охватывает период с 1770-х гг. до 1835 г. — до смерти его владельца, даже в последний год жизни не переставшего живо интересоваться литературными делами. Основной массив составляют рукописи произведений Хвостова и его переписка с большим кругом корреспондентов. Меньшая часть состоит из различных хозяйственных и деловых бумаг, относящихся к служебным обязанностям Хвостова. Кроме того, в архиве есть не связанные непосредственно с его хозяйным бумагами — сборник анекдотов о Екатерине II, составленный Е. Фуксом, рукописный сборник стихотворений и прозаических отрывков и др. Хвостов заботливо собирал свой архив, переписывал наиболее интересные письма и таким образом хранил их в подлинниках и копиях. Каждый том был переплетен в папку с кожаным корешком и золотым тиснением, снабжен оглавлением, документы нумеровались. Хвостов, видимо, не раз перелистывал тома, делал пометки, примечания, говорившие о дальнейшей судьбе писателя, книги, о результатах какого-либо

события. Немало писарей потрудились над перепиской бумаг Хвостова под диктовку «певца Кубры» (так любил себя называть Хвостов по имени реки, протекавшей в его поместье); они записывали его литературные мнения, составляли черновики писем и по несколько раз перебеливали их: Хвостов был требовательным стилистом.

Вполне естественно, что интерес исследователя, обходя литературное наследство поэта,

Д. И. Хвостов

сосредоточивается на эпистолярной части архива и «Записках о словесности», которые Хвостов вел в течение ряда лет. Я. К. Грот опубликовал письма Евгения Болховитинова к Хвостову («Сборник статей, читанных в ОРЯС АН», т. V, ч. I), переписку его с Державиным. Ожидают опубликования содержательные письма М. Н. Муравьева, несомненно имеет смысл ознакомление с перепиской Хвостова с М. Н. Макаровым и Шаликовым (в половине 20-х годов), в которой фигурируют Полевой, Вяземский и звучат отголоски напряженной борьбы вокруг «Московского Телеграфа». Много любопытных сведений о современниках заключено

в письмах А. Ф. Рихтера. Для истории просвещения в России не лишены значения письма профессоров Казанского университета Городчанинова, Перовощикова, Кондырева. Наконец, заметки самого Хвостова, записи различных литературных анекдотов, фактов, случаев, мнений, — то, что он называл «Записками о словесности» и для чего предназначал цитаты из писем и других бумаг, — содержат обширный и зачастую свежий материал, который должен быть включен в научный оборот.

Публикуемые ниже «Записки о словесности» представляют извлечение из личного архива Хвостова и содержат в себе ряд сведений, имеющих ценность для изучения литературных отношений в начале второго десятилетия XIX в. В частности «Записки» освещают деятельность «Беседы любителей русского слова» в первые годы ее существования и в этом смысле, вместе с протоколами «Беседы», опубликованными В. А. Десницким («На литературные темы», кн. 2, 1935) являются авторитетным источником по истории этого литературного объединения в период 1810—1813 гг.

Автор их, Д. И. Хвостов, облегчая работу исследователей, сам составил свою биографию и разослал ее доверенным лицам, а один экземпляр препроводил Евгению Болховитинову, тщетно надеясь, что тот использует ее в своем словаре.

«Благосклонный читатель! — так начинается этот любопытный документ, целиком помещенный М. И. Сухомлиновым в седьмом томе «Истории Российской Академии». — Ты зришь перед своими очами жизнеописание знаменитого в своем отечестве мужа — сенатора графа Хвостова». Дальше более спокойным языком объявляется, что граф Дмитрий Иванович Хвостов родился в Петербурге в 1757 г., и излагаются факты его биографии, частью которых мы и воспользуемся.

По матери Хвостов приходился племянником А. Г. и Ф. Г. Кариним, людям, причастным к литературе; о первом из них говорит Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Дом его родителей посещали В. И. Майков, также приходившийся ему родственником, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, П. С. Потемкин и другие писатели, так что литературные интересы рано стали занимать Хвостова. Он получил хорошее образование, сначала в пансионе Литке, затем занимаясь с наставником

де-Прадтом и наконец в Московском университете, изучал французский, итальянский, латинский языки. В 1772 г., пятнадцати лет, Хвостов был записан в Преображенский полк, а в 1799 г. вышел в отставку в чине подпоручика и вскоре перешел в штатскую службу. В 1783 г. Хвостов был назначен обер-провиантмейстером, а затем экзекутором сената. На этой должности он стал известен генерал-прокурору кн. А. А. Вяземскому и перевел для него «Трактат о финансах» Неккера.

В 1788 г. Хвостов вышел в отставку и через год женился на кн. А. И. Горчаковой, племяннице Суворова. Этому родству Хвостов обязан своей карьерой и графским титулом. Он был переименован в подполковники и причислен к Суворову. С этого времени до смерти полководца в 1801 г. Хвостов нес при нем секретарские обязанности, выполнял его поручения, хранил бумаги, был постоянным представителем Суворова при дворе. В 1791 г., по представлению Е. Р. Дашковой, Хвостов был принят в члены Российской Академии и начал принимать участие в ее работах.

В царствование Павла I Суворов попал в немилость. Вместе с ним испытал опалу и Хвостов, но он вернул расположение императора, сочинив оду на торжества по случаю принятия Павлом титула великого магистра Мальтийского, и был назначен в 1799 г. обер-прокурором синода, а в 1800 г. получил звание тайного советника. В 1802 г. за Хвостовым был утвержден титул графа, выхлопотанный ему Суворовым у Сардинского короля, причем в рескрипте отмечено, что титул этот дан Хвостову «за подвиги Суворова в Италии». В 1803 г. Хвостов вышел в отставку и занялся литературой. В 1807 г. он был назначен сенатором, заседал в Государственном совете, а впоследствии занимал выборные от дворянства должности. В последние годы жизни Хвостов состоял председателем тюремного комитета. Умер он дряхлым стариком 78 лет.

Хвостов был богатым человеком. В его владении находилось две тысячи крепостных крестьян. Доходы его в 1818 г., как видно из бумаг, составляли около пятидесяти тысяч рублей в год. Но современники утверждают, что состояние Хвостова было сильно расстроено его издательскими делами. Он расходовал крупные суммы на печатание своих сочинений; издал он их, не считая сборников и отдельными изданиями выпущенных стихотворений, четыре раза: в 1817 и 1821—1824 гг. в четырех томах, в 1827 г. в пяти, в 1829—1834 гг. в семи! Подготовленный им к печати за год до смерти восьмой том так и не увидел света... Книги его тяжелым грузом лежали на полках книжных лавок, он рассылал их своим знакомым и друзьям, отправлял в заграничные и русские учебные заведения, препровождал

архиереям для рассылки по духовным учебным заведениям и т. д., — и все бесплатно, так что Пушкин имел полное основание заметить: «В Европе живут стихами, а у нас граф Хвостов прожил на них». Но с этой страстью своей Хвостов ничего поделывать не мог. Когда в 1812 г. в Москве, занятой войсками Наполеона, сгорел его дом, стоивший шестьдесят тысяч рублей, это огорчило Хвостова не больше, чем невозможность напечатать после вступления французов в столицу России торжественную оду, сочиненную им на победы русского оружия. В одном из стихотворений он откровенно признался:

«Люблю писать стихи и отдавать в печать», — и даже поставил эту строку эпиграфом ко второму тому собрания сочинений. Эта «несчастливая страсть» сделала старого поэта посмешищем в глазах современников.

Европейский литературный быт с профессионализацией писателей, с яростной полемикой, «лаем», как выражается Хвостов, в его представлении был чужд среде русских дворянских литераторов. В этом плане чрезвычайно характерно замечание Хвостова по поводу полемической направленности поэмы Шаховского «Расхищенные шубы» (см. ниже, № 118): «На что нам, особливо Беседе, заедаться и перенимать лай у французских писателей? Что им позволено, то нам нет; мы дву-ипостасные. Я сказал Шаховскому: мы все князи да графы. Осмеяние относится на наших жен, детей и на наше в обществе состояние, какового литераторы других земель не имеют».

Сознание кастовости, сословности литературы выражено здесь с предельной четкостью: «мы дву-ипостасные», говорит Хвостов, т. е. «мы вельможи и писатели». «Раздор», происходивший в демократическом «Вольном обществе», был немислим в сановой «Беседе». Насмешки над литературными неудачами означали насмешки над людьми, занимавшими высокое общественное положение и, следовательно, задевали каким-то образом «государственное спокойствие».

Выйдя в 1803 г. в отставку, Хвостов, как он указывает в своей биографии, «обратился к поэзии». Вместе в П. И. Голенищевым-Кутузовым и Г. С. Салтыковым в Москве он начинает издание журнала «Друг Просвещения», выходявшего в 1804—1805 г. Издатели помещали там главным образом свои произведения. Журнал их интересен для нас тем, что в нем печатался впервые словарь писателей Евгения Болховитинова, доведенный до буквы К.

Естественно, что по литературным вкусам, по возрасту и положению Хвостов примкнул к кружку архаистов, возглавлявшемуся Шишковым. Он становится одним из организаторов «Беседы любителей русского слова», и молодое

поколение защитников «нового слога» быстро превращает его в мишень для сатирических стрел, метивших часто через его голову в Шишкова, Шаховского, Шихматова.

Состав участников «Беседы любителей русского слова», подобно «Арамазу» и «Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств», не отличался монолитностью и был скорее разнородным, включавшим в себя и случайный элемент. На ряду с заносливым архаистом и реакционером Шишковым, вождем группы, в «Беседе» был Крылов, далекий от нее по внутренним убеждениям, презиравший Шишкова, высмеявший и «Беседу» и Российскую Академию в баснях «Парнас» и «Демьянова уха». Почетным членом «Беседы» был Карамзин и вместе с ним Магницкий. Державин и П. И. Соколов, Капнист и Николев, Шаховской и Марин — все эти различные по взглядам и убеждениям люди были участниками «Беседы». Вопрос о том, что их объединяло, требует специального рассмотрения. Для нашей же цели существенно отметить, что Д. И. Хвостов вовсе не был таким безоговорочным защитником Шишкова и присяжным «беседчиком», каким его обычно представляют. Ряд замечаний его, разбросанных в письмах, в записках о словесности, показывает, что он очень критически относился к виденному и слышанному им на чиновных и торжественных собраниях «Беседы». И если его оценки Державина и отзывы о нем можно в известной степени объяснить уязвленным самолюбием и завистью, то недоброжелательная критика знаменитого рассуждения Шишкова «О любви к отечеству» показывает, что Хвостов не разделял основных взглядов будущего государственного секретаря и вовсе не был врагом иностранного просвещения.

Высказывания Хвостова о русском языке также находятся в противоречии с положениями Шишкова. «Предполагают, что малое покровительство правительства, неупотребление русского языка при дворе и в знатных беседах останавливают успех его», — пишет Хвостов. Это не так, полагает он: причина заключается в литературе, в писателях, которые мало читают древних и иностранных авторов и не имеют «прилежания и сведений». Хвостов с удовольствием пересказывает притчу Измайлова «Шут в маскараде», изображавшую Шишкова, находит ее «исполненной остроты», указывает, что разговор старика, употреблявшего типичные для Шишкова обороты речи, «ему приличен». Он с сочувствием повторяет замечание Дмитриева о речи Шишкова: «Хоть бы митрополиту и с презрением говорит о похвальном слове Соколова П. Д. Еропкину, считая, что каждый поп может сочинить такую же речь. Всем славословиям своих прихлебателей он предпочитал несколько небрежных строк Ка-

рамзина, в которых тот наугад похвалил отдельные строки из его стихотворения 1814 года на вступление Александра I в Париж. Мнение Карамзина было для него священным. Воспитанный в традициях «Россиады», Хвостов умел ценить и Батюшкова и Пушкина и внимательно следил за их поэтическим ростом.

Не удовлетворяло Хвостова и организационное строение «Беседы» с ее четырьмя председателями и разрядами, ничем не различавшимися между собой в направлении своей деятельности. Он предпочитает устав «Общества любителей словесности при Московском университете», где одна «голова», т. е. председатель (заметка № 80). Общество это было утверждено в июне 1811 г. и так же, как «Беседа», раз в месяц устраивало публичные чтения.

В литературной борьбе шишковистов и карамзинистов Хвостов занимал промежуточную позицию. Он считал, что обе стороны в своем увлечении спором заходят слишком далеко, а мнение свое сформулировал так: «он не отрицал разговорного или простого слога, но думал, что для успеха в оном надо было знать основательно язык книжный» («Ист. Росс. Акад.», т. 7, стр. 526). Хвостов возражал против манерности, жеманности, щеголеватости языка карамзинистов, хотя к самому Карамзину относился с величайшим уважением и предложил принять его в члены «Беседы», но он не был согласен и с Шишковым. Поэму Шихматова «Ночь на гробах», восторженно принятую Шишковым, он считает состоящей из общих мест, без вымысла, огня и живописи и находит в ней «пропасть дикословия» (№ 145).

Хвостов разграничивает «высокий» и «низкий» стили. Он не раз подчеркивает, что употребление есть царь языков» и объясняет, что поэтому он редко пользуется словом «люди». Хотя оно есть в священном писании, в сочинениях Ломоносова и Хераскова, но в современном Хвостову языке «люди» означало «холопы»; слово это принадлежит уже к низкому слогу и не годится для поэзии. Сюда же относит Хвостов слова «однако, тень, паутина», неуместные, по его мнению, в трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (№ 124).

Строгим правилам классической поэзии Хвостов остался верным до конца своего жизненного пути. Он больше всего ценил чистоту слога, правильность «механизма стиха». Учителя его — Херасков, Ломоносов, В. Петров, чей перевод «Энеиды» он предпочитает переводу «Илиады» Гнедича.

Как видно из автобиографии, Хвостов своеобразно оценивал свои литературные заслуги: «главное достоинство графа Хвостова как писателя есть постоянная и вместе пламенная лю-

бовь его к словесности и упражняющимся в оной», говорит он. С этой формулой нельзя не согласиться и можно привести очень много иллюстрирующих ее примеров, собрав их из печатных работ о Хвостове и из бумаг его архива. Даже с Дашковым, Воейковым, А. Е. Измайловым и другими литераторами, позволявшими себе крайне рискованные шутки по отношению к Хвостову, он сохранял приличные отношения и умел отдавать должное литературному таланту своих врагов.

Однако не только противники, но и друзья не прочь были подшутить над Хвостовым, и иногда очень обидно. Давний приятель его, И. И. Дмитриев, не удержался от злой — и не единственной — эпитаграммы:

«Подзвонк на груди и подогнув колена

Наш Бавий говорит, любясь сам собой...», в которой высмеял внешность Хвостова, а его стихи назвал галиматсией. Державин, не раз остерегавший «певца Кубры» от метромании, в эпитаграмме, обращенной к Хвостову, сказал, что в его одах «не звуки» слышит «громовые: текут потоки потовые и от гремушек дребедень».

Взаимоотношения Хвостова и Державина прошли через несколько этапов (см. о них в сочинениях Державина под ред. Я. К. Грота). Рассказывая в своей биографии об одном из периодов охлаждения, Хвостов прибавляет: «но кто может сердиться на Державина? У сего знаменитого современника часто погрешала голова, а не сердце». Внешне признавая авторитет Державина, Хвостов, как явствует из записок, отзывается о его произведении весьма неуважительно и несколько стихотворений называет попросту «недостойными внимания» (№ 111). В Державине Хвостов отмечал отсутствие работы над талантом, недостаток образования. Он считал, что Державин одолен своей славой удачным местам в произведениях «приятного рода», и называл его поэтом, «дар природный имеющим, но не поэтом, образовавшим свой дар до превосходства» (№ 99). Все же спорить с Державиным открыто Хвостов не решался. Так, записывая в своем дневнике (№ 37) критику на «Рассуждение о лирическом стихотворении», Хвостов откровенно замечает: «Хотя по уставу Беседы сие сочинение было у всех нас, членов разряда, на домашнем разборе, и хотя все, как видно, заключили о нем то же, но ни один из нас не объявил того ни письменно, ни словесно».

«Записки» Хвостова являются полезным подспорьем при изучении литературной жизни 10-х годов XIX в. Хвостов внимательно следит и за театром, ряд заметок его подкрепляет и уточняет сведения, сообщаемые Араповым в «Летописи Русского Театра». Хвостов охотно дает оценки виденным им спектаклям. Так, в патри-

стической пьесе С. И. Висковатова «Всеобщее ополчение» он усмотрел якобинские нотки и «брань дворянству». Хвостов отлично понимает, что успех этой пьесы объясняется ее приспособлением к моменту (1812 г.), взрывом патриотизма и отмечает, что восторг публики более прочен, когда «утверждается на основательных разуму и вкусу свойственных доводах». Подобное же замечание делает он и по поводу представления трагедии Хераскова «Освобожденная Москва».

Интересна заметка Хераскова о конфликте, происшедшем в 1811 г. в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» (№ 42) и закончившемся уходом Д. И. Языкова с председательского кресла. После расцвета «Вольного общества» в 1801—1807 гг. деятельность его по ряду причин замерла и оживилась только в конце 1810 г. Собрания происходили на квартире Языкова. Кроме старых членов общества — Попугаева, Востокова, Дмитриева, Измайлова и др. — в них стали принимать участие Милонов, Греч, Никольский, Дашков. Но внутри общества продолжались прежние распри между наиболее радикальными членами, носителями радищевских традиций — Попугаевым, Борном — и умеренной группой во главе с Языковым. Как указывает В. Н. Орлов («Поэты-радищевцы», 1935, стр. 151), Попугаев и Борн в 1811 г. были окончательно вытеснены из «Общества». Вслед за ними и Языков сложил с себя звание действительного члена. Из заметки Хвостова, относящейся к марту 1811 г., выясняется, что этому уходу предшествовал инцидент с Попугаевым, против которого ополчились «юноши» — вновь принятые в «Общество» — Милонов, Никольский и др. Насмешки над фамилией Попугаева, нежелание слушать его пьесы говорят о продолжении борьбы против радищевца Попугаева, перипетии которой подробно изложены в упомянутой работе В. Н. Орлова. «Насмешники сказали, — передает Хвостов, — выпишем его из членов, мы не хотим иметь с собою птиц». И действительно, в заседании 11 марта 1811 г. Попугаев, по настоянию группы членов во главе с неким Терентием Борноволокным, был исключен из общества. Выбравшись из дома Языкова, «Общество» переселилось в зал Медико-филантропического комитета в Михайловском замке, о чем Хвостов говорит далее (№ 92), и с января 1812 г. начало издавать журн. «Санкт-Петербургский Вестник».

«Записки» Хвостова решают также спорный вопрос о принадлежности Крылову стихотворения, посвященного Шишкову и известного по полустигию «В карете под орлом». От этого стихотворения Крылов отказывался, и оно обычно приписывалось Хвостову, между тем Хвостов ясно указывает, что оно принадлежит Х. О. Кайсарову. Интересно свидетельство Хвостова

о том, что Крылов является автором эпиграммы на маршала Нея (№ 149).

Эпизод с приглашением на чтение «Беседы» Александра I и самовольным объявлением Державина об ожидающемся приезде (№ 47) приводится здесь впервые, Грот о нем не сообщает. Эпиграмму на Державина по этому поводу, повидимому, сочинил сам Хвостов.

Некоторые факты из «Записок о словесности» приводят в своих статьях просматривавшие архив Хвостова П. О. Морозов («Граф Д. И. Хвостов», «Русск. Старина», 1982, №№ 6, 7, 8) и Е. Колбасин («Певец Кубры», «Время», 1862, № 6), но они произвольно обращались с текстом и не использовали многих интересных страниц.

«Записки о словесности» представляют собой переплетенную книгу плотной синей бумаги, общим счетом 98 листов. Листы 1—5 составляют «Реестр рукописной книги под № 20», на белой

бумаге, и вшиты позднее. На переплете тисненая золотом сафьяновая наклейка: «№ 20. Анекдоты о Державине, Хвостове, Беседе и других». На корешке бумажная наклейка «№ 20». Углы переплета кожаные. Книга заполнена частично рукой Хвостова, частично писарем под его диктовку. Впоследствии Хвостов пересматривал свои заметки, исправлял их и вносил дополнения. Кроме заметок в книге помещены «Примечания при науке стихотворной г-на Буало», черновики писем Д. И. Хвостова к разным лицам, «Моя биография» (листы 71—85, 93—95), черновики стихов, планы произведений и т. п. материал, не представляющий особого литературного интереса и выпущенный нами. В связи с этим пришлось принять новую порядковую нумерацию заметок. Примечания расположены в порядке номеров заметок, к которым они относятся.

ЗАПИСКИ О СЛОВЕСНОСТИ

Месяц ноябрь, 1810.

1. Господин сенатор Габлиц подарил мне книгу своего сочинения описание полуострова Крыма с двумя географическими картами.

2. Так же г-жа Бунина дидактическое стихотворение в 4-х песнях «О счастья». В нем есть прекрасные стихи. Описание сада сельского жителя в 3-й песне и свойство его жены очень хороши, так же в нем находятся некоторые мысли удачные. Слог хотя вообще чист, но местами слаб и есть темные стихи.

[Рукой Хвостова Д. И.: Главная беда, что слог жеманен, грёсиеух.]

3. Так же письмо стихами князя Шихматова к брату его князю Михайлу. Мысль очень обыкновенная и не украшена ни вымыслами стихотворства, ни кистию. Вообще же стихотворение сие слабее всех произведений того же автора.

[Рукой Хвостова Д. И.: Смотри суждение о сем письме в 12 томе «Цветника».]

4. Продолжение изданий Академических, в котором между прочим помещено письмо мое о пользе словесности, ожидает высочайшего утверждения о утверждении Лицея или публичного чтения. Сей Лицей составляется из особ, съезжавшихся прежде для того же предмета в домах Гавриила Романовича Державина, Александра Семеновича Хвостова, Шишкова и у меня. Главные его черты суть четыре разряда, в коих 16-ть членов. Председатели разрядов Державин, сенатор Захаров, А. С. Хвостов и Шишков. Цель сего заведения, чтобы приохотить публику, а особливо дам, к русской словесности и языку. Публичное чтение будет ежемесячно. Все разряды по очереди приготавливают сие чтение. Потом назначается общее собрание, которое, утвердя статьи для чтения, объявляет о публичном Лицее с приглашением гостей по билетам. Сверх 16-ти членов, называемых должностными, назначается еще 16 членов при них, называемых сотрудниками, кои на убылые места поступают в действительные члены. Еще будут почетные члены Лицея. В Лицее будет издаваться два журнала. Один собственно о языке, а другой о словесности.

5. 28 ноября в пользу г-на актера Яковлева представлена была в первый раз трагедия «Гамлет» и названа сочинением С. Ив. Висковатова. Трагедия сия есть, как известно,

трагедия Софоклова, коему Шакеспир подражал под другими именами, одев ее по-английски. Ему г-н Дюсис, а Висковатой обоим. [*Вставка рукой Хвостова Д. И.*: Содержание то же: Орест отмщает за убийство Агамемнона Клитемнестре и ее супругу.] Но до какой степени, решительно сказать не могу, ибо я Дюсиса не читал. Ежели допустить тень в средство трагическое, так-же безумие героя, то сия трагедия исполнена красот первостатейных. Лицо Гертруды Гамлета производит ужас и сострадание, но по мнению моему любовь тут ни к чему не служит и только ослабляет трагедию. Ибо любовь сия не препятствует Гамлету довершить месть над отцом Офелии. Вообще трагедия сия писана не худо для Висковатова, но далеко уступает слогу господ Сумарокова, Княжнина и Озерова. Изящные места в сей пиесе суть: сцена урны и в последнем явлении, когда Гамлет говорит, уличая Клавдия в убийстве Гертруды: твой меч окровавлен. Сие, ежели не Дюсисово, то есть средство великого трагика.

[*Приписка рукой Хвостова Д. И.*: Смотри суждение о ней в «Вестн. Европы», № 23, 1811 года.]

6. Я-б жертву принесла приятную ему («Россиада» песнь 6-я, страница 141). Fuiез de mauvais ton de concours odieux. Пускай безделка, но в нашем стопосложении, особливо молодые люди, мало сего остерегаются и мало внимают о механизме стиха, от чего гибнет просодия.

7. В «Вестнике Европы», в октябре месяце 1810-го года, прекрасная мысль в мадригале из Вологды г-на Остолопова, в похвалу Ив. Ив. Дмитриева, под названием «Шутка», в коей замысловато сказано, что Федр и Лафонген жаловались Фебу на малое число своих читателей по причине притчей Дмитриева. Феб открылся в том Фемиде, которая, чтобы успокоить баснотворцев, Дмитриева взяла к себе в министры.

8. В том же № остроумная критика на перевод «Радамиста» г. Висковатова, где вообще сказано, что каждый переводчик, принимаясь за перо, должен покаяться сам себе и присягнуть, поэт ли он, знает ли грамматику, будет ли наблюдать просодию и пр. пр. Сие дельное и остроумное замечание принадлежит Вас. Андреевичу Жуковскому.

На перевод Расиновой «Гофолии» (Athalie), переводчики г. Потемкин и Шапошников, сказаны два каламбура, первой Ив. Ив. Дмитриева — Totolie, а другой по французски: *ce n'est pas Athalie, mais à thalie.*

9. Декабря 2-го дня было собрание предполагаемого Лицея в доме Гаврила Романовича Державина, составленное единственно из членов одного и нескольких сотрудников, на коем определено быть в каждом разряде по пяти членов [*рукой Хвостова Д. И.*: прибавлено по шестому], кои суть: Гав. Ром. Державин, граф Хвостов, Баранов, Ив. М. Муравьев, Лабзин, Ф. П. Львов, сенатор Захаров, Политковский, Карабанов, Дружинин, Писарев, П. Ю. Львов, адмирал Шишков, Оленин, кн. Горчаков, кн. Шихматов, Крылов, Кикин, Александр Семенов. Хвостов, кн. Голицын, кн. Шаховской, Филатов, Соколов, Марин.¹

3-го декабря в 11 часов утра, по приглашению было торжественное годовое собрание Российской Академии, на коем читаны были записки о упражнениях сего сословия. Потом рассуждения адмирала и члена Шишкова о превосходстве славянского языка и о нераздельности одного с российским. А потом по заданной задаче от Академии и по присылке от неизвестной особы (государя императора) ста червонных в награждение за похвальное слово покойному Петру Дмитриевичу Еропкину. Оное слово, сочинение секретаря Ака-

¹ Фамилии Баранова, Дружинина, Писарева, Кикина, Марина вписаны рукой Хвостова, Д. И. — А. З.

демии Петра Ивановича Соколова, всеобщее одобрено было и он получил в награждение помянутые сто червонцев. [*Приписка рукой Хвостова Д. И.*: но заслужил ли их, не знаю. Слово самое обыкновенное. Без огня и красоты слога, так что каждого прихода священник в состоянии оное сделать.]

Российская Академия, во уважение дарований г-жи Бунинной, сочинительницы многих мелких стихотворений и поэмы в 4-х песнях «О счастья», пригласила ее сего числа на торжественное собрание, а император того числа пожаловал ей пенсию 600 р. и на заплату долгов 5000.

Василий Григорьевич Анастасевич, издатель «Улья», живет на канале в доме Кусовникова, прошед сквозь Казанскую.

Иван Снядецкий, ректор Виленского университета.

10. Г-н Анастасевич, издатель журнала «Улей», посетил меня сегодня и читал перевод свой стихами начало 1-й песни из Тассова «Освобожденного Иерусалима». Я не сверял сего перевода с подлинником, но относительно красот общих нахожу, что перевод не дурен и показывает большое знание в русском языке переводчика. Порицания достойно в нем разве то, что много находится по примеру древних языков и подлинника, переносок, то есть enjambement.

Он же подарил меня печатными своими произведениями «Стихотворение Сафы», «Слава прекрасного пола», «Прогулка девицы Каразиной» и Расиновой трагедией «Федры». Сей перевод очень слаб и в одном достоинстве с переводом г-на Державина. [*Позднейшая приписка рукой Хвостова Д. И. на поле*: «Большая Семенова, après sa rentrée au théâtre 1823 года, играла в первый раз «Федру» перевода Лобановка». — Перевод хорош. Всего мудренее перевести «Федру», но у нас много оной и слишком переводов: Анастасевич, Державин, Пушкин (Алексей М.), Чесловский, Окулов, Тучков.]

11. Иметь внимание о критике и суждении на мою «Андромаху».

Сочинить для Лицея стихотворение под названием Сатурн или время, в котором следует описать его так, как изображали древние, с косою в руках стоящим на песочных часах в виде мужа, готового к полету, с острыми глазами, с двойчатым лицом, представляющим вместе цветущую юность и дряхлую старость.

Потом нравственные его способности все пожирать и, наконец, пожирающим самого себя при вратах вечности. [*Рук. Хвостова Д. И.*: Аллегория Время осталась в архиве сочинителя — она жестоко окритикована в разряде. Многие однако заметки основательны, а многие погрешают против приличия и общежития.]

Еще надобно сочинить письмо стихами, разделя оное на две части. В первой показать все превосходство языка нашего. Во второй предложить и опровергнуть доводы, кои выдают причиною того, что не сделался общим, как то неодобрение правительства и такой на оном разговор: сказать, что главная причина сему суть сами писатели, удалившиеся от природы и от образцов древних.

[*Позднейшее примечание*: Послание о красоте российского слова и о словесности смотри в полном издании.]

В понедельник 4-го декабря было первое собрание Афиней у Гав. Р. Державина, на коем были все члены разряда сего, кои суть Муравьев, граф Хвостов, Лабзин, Ф. П. Львов и все сотрудники: а именно Галенковский, Язвицкий, Станевич, Лабзин. А Гнедич болен. В сем собрании распределены роды упражнения и положено читать в Первой публичной Афинее нашего разряда суждение Державина о лирическом стихотворении.

12. 8 декабря отправлены при письме моем чрез г-на Анастасевича лирические мои творения и письмо о словесности к г-ну ректору Виленского университета.

В сей день читал я г-ну Станевичу и Анастасевичу Андромаху мою, которую они очень хвалили. А г-н Анастасевич читал нам рукописные с польского притчи свои и некоторые стихотворные отрывки.

13. От Гавриила Романовича поручено начертание о втором разряде Атенея, которая хранится у Громова, а ответ на оное при суждении о критике разряда о Атенея Римском, и с приложением аллегории моей *Время* отправлен 11 декабря.

Горчаков говорит, что Атеней хорошо, но ненадобно выговаривать Аффиней. Ибо скажут Ахинея.

11-го <декабря> г. Анастасевич читал мне 1-й лист «Улья» о библиографии. Очень хорош.

14. «Песнь на победы» скорописная кн. Шихматова. План не худ. Поэзии мыслей не много, но поэзии слов довольно и есть хорошие стихи.

15. При издании притчей, не забыть многих хороших, находящихся в скорописной книге моей, в темной волнистой бумажке, где моя биография, и в другой с пробелами, где зачат словарь писателей.

16. 13 декабря в доме Гав. Романовича было общее собрание всех членов, на коем были читаны изготовляемые к подписке членов законы Беседы; а потом для представления министру на утверждение. Тут же делали записку о тех, кого приглашать в почетные члены, в том числе мне поручено отобрать согласие от П. Ив. Кутузова и кн. Ив. М. Долгорукова. Тут же распоряжали, где быть столу в зале Беседы и довольно ли слышно чтения. Тут же подписались на содержание Беседы: Державин, Шишков, Захаров, Хвостов, кн. Голицын, Кикин и я, каждый по 50-ти рублей.

17. Член Академии Беседы П. Юрьевич Львов подарил мне свои сочинения: Похвальное слов царю Алексею Михайловичу и другое Пожарскому и Минину.

18. Вышла 10-я книжка «Цветника», в коей похвала под названием разбора творениям г-на Дмитриева и брань под тем же названием г-ну Щеникову.

19. 17 декабря 15-тью избирательными против одного неизбирательного шара избран в члены Российской Академии на место кн. Дашковой камер-юнкер кн. А. А. Шаховской, творец «Деборы», по предложению Г. Р. Державина.

20-го получил я от г. Бекетова пятый том Богдановича, и другой для Академии.

20. В «Ученых ведомостях» на немецком языке № 133 большая похвала моим лирическим творениям. Она же будет в журнале г. Анастасевича, называемом «Улей», по-русски.

Кончено 24 декабря дидактическое стихотворное творение, что критики похвала, в коем более 200 стихов, и приписана г. Лабзину. [*Приписка другими чернилами*: По совету Дмитриева и многих не приписано никому, а просто NN.]

Января 2. 1811 год. Отдана г. Анастасевичу для «Улья» краткая моя биография [*Позднейшее примечание*: напечатана в феврале его «Улья».]

Читана в Лицее моя аллегория «Время» и пошла на критику по членам.

21. На самый новый год в доме Александра Львовича Нарышкина был спектакль «Les étrennes» и балет. После того большой каменный театр сгорел весь, кроме стен. Убытку полагают на миллион.

2-го января я получил благодарственное письмо за лирические творения от ректора Виленского университета 25 декабря.

22. Г. Милонов мне читал свое послание к Буниной, которое прекрасно и лучше ее поэмы.

23. В Москве издаются творения покойного Михайла Никитича Муравьева г. Карамзиным и хрестоматия г. Жуковским, который отказался от соучастия в журнале «Вестник Европы» на 1811 и последующие годы, оставя оный г. Каченовскому.

24. Журналы «Цветник» в С. П. Бурге и «Аглая» в Москве прекратились.

3 января получены от г. Бекетова пятый и шестой томы творений Ипполита Богдановича.

25. Г. Милонова письмо к Анне Петровне Буниной о приличии упражняться женскому полу в поэзии. Чисто, но не огнисто.

26. Я кончил свое письмо о критике, в коем 250-т стихов, читал оно Дмитриеву, Гнедичу, Горчакову и другим, слышал лестные похвалы. Так же и Ивану Ив. Дмитр., заметившему нечто в слоге, а главное суждение, чтобы выкинуть о Баптисте Руссо, но я на сие не соглашаюся, ибо сие мнение не мое, а Лагарпа и вообще всех французов.

27. Я кончил свою оду на столетие Сената, похваляемую Толмачевым и Анастасевичем.

28. 20 января у А. С. Хвостова собрание Лицея. Читано было Дифирамб о бессмертии души кн. Горчакова. Общие места, слогом не пиитическим, кроме описания времени. — Его же письмо о суете, изрядно сатирическими местами и письмо сатирическое Марина. Без слога, но довольно остро.

Я получил известие о избрании меня членом Виленского университета.

Сего 27 января я отправил мое письмо королю Сардинскому и пять экземпляров поэмы моей Притчи на французском языке в Болонию и другие места с нашим министром г. Моцениго.

29. «Рыцарь Колбасы», нелепое стихотворение сказывают г. Растопчина на счет К. В. Одоевского.

30. А. С. Хвостов сочинил на Карамзина письмо в стихах о пристрастии к новому Стерну. Остро, но худо писано. [*Далее зачеркнуто: То есть гадко.*]

31. 27 числа исправлена ода «Отечество» для «Улья». Для него же надобно приготовить оду Горацию, на смерть Хераскова и несколько притчей.

32. Сказывают, что у государя за столом, говоря о новой Беседе, сказано было, что она вместо слова билет намерена употребить звальцо. Сие произвело всеобщий хохот, и Беседа оставлена без утверждения.

33. 3-е февраля вышел 1-й № «Улья», где выписка в похвалу мне из немецкого журнала, ода моя Ив. Ив. Дмитриеву «Приглашение на вечеринку» и две басенки «Леопард и козел» и «Земляная ласточка». — В тот же день бенефис госпожи Семеновой в трагедии «Ариадна», в коей в роли Федры дебютировала меньшая сестра ее очень слабо, так точно, как перевод трагедии. Семенова большая играла прекрасно, особливо 3-й и 4-й акты. Стихи в Расиновой «Андромахе» взяты из «Ариадны».

Коль радостно самой обиду мстить чрезмерну
И руку извлеци, пролившу кровь неверну,
В отраду мне и в казнь злодею моему
При смерти не пустить соперницы к нему.
И прежде, нежели он, вы все мне изменили.

34. 2-го марта было столетие сената, а 9-го марта ода «Законы» напечатана у Шнора и поднесена государю императору чрез министра юстиции, который объявил мне письменно высочайшее благоволение.

28 февраля было у Державина в доме первое общее собрание Беседы, в коем были все члены и 4 попечителя, т. е. Завадовский, Разумовский и Дмитриев. Подписали журнал самого первого собрания и читали то, что назначено для первого чтения.

35. 26 февраля в доме князя Бориса Владимировича Голицына Державин, оскорбась на Гнедича, что он не захотел быть в Беседе, сказал: или вы выйдете, или

я пойдю. Гнедич вышел. Сие возродило от всех негодование на Державина и Голицына не был у него при открытии.

36. Г. Жуковским издано 2 тома Хрестоматии или собрание лучших сочинений. В первых 2 томах, где все оды, есть много образцовых пьес для худобы. Впрочем, таковые издания весьма в России полезны.

П. Ю. Львов, сочинитель Храма Славы, при открытии первого общего Беседы собрания очень занемог и вышел из-за стола. Дмитриев сказал: худой знак: зодчий Храма Славы пал.

37. Первое публичное чтение Беседы любителей Российского слова было 14 марта в присутствии двухсот избраннейших особ. Чтение сие очень всем полюбилось и попало в моду так, что без настояния членов открылась в пользу Беседы подписка, по коей подписался Ник. С. Мордвинов 1000-у, Васил. Ст. Попов 1000-у и Гав. Р. Державин от Глазунова из лавки на 3600 книг взамен уступленных сему книгопродавцу сочинений.

29 марта было у Г. Р. разрядное собрание для приготовления ко второму чтению, в коем предположено было читать его рассуждение в прозе о лирическом стихотворении. Сочинение сие так огромно по наружности, что надобно быть хорошему горлу, чтобы прочитать в три битых часа, а по существу так мелко, что не займет разум и душу на минуту. Оно есть слепок несообразный из разных учебных книг, а большею частью из немецких эстетик и не представляет в себе ни духа, ни мыслей: словом, сочинение голое, без красок, без толка, наполненное примерами по большей части неудачными и такое, какое может составить всякий школьник. Образцов невежества в оном тьма, а именно: Барды суть греческие певцы, слово ватес не латинское, а еврейское и при том смешение Моисея и царя Давида с Пиндаром. Идолопоклонство с древним заветом все в куче, так же поэзия смешана с риторикой. Ибо г-н сочинитель при толковании о существе лирического рода и о качестве оды толкует о всех фигурах риторики, забыв, что фигуры не принадлежат к одной лире, а свойственны всем родам сочинения.

Хоть по уставу Беседы сие сочинение было у всех нас, членов разряда, на домашнем разборе и хотя все, как видно, заключили о нем то же, что выше сказано, но ни один из нас не объявил того ни письменно, ни словесно. Сего же дня г-н Лабзин и Галенковский, кроме некоторых частных основательных замечаний, ополчились на малозначимость и состав самого сочинения и столько рассердили сочинителя, что он хотел сочинение сжечь, упрекая нас, для чего прежде не сказали, а наконец умилосердился и положил сего дни 31-е марта, то есть в самую великую пятницу, распять свое самолюбие, составить комитет из г-на Галенковского и Лабзина. Польза из сего выйдет та, что мы видели великана, одержимого водяною болезнью, а публика увидит его чахоточным. Так же сделали примечание от разряда на мою аллегорию «Время» и на оду на Руцук г-на Язвицкого. Критика вообще основательна и замечания справедливы, но вмещены слова, непристойные для людей благовоспитанных и благомыслящих, как то ученическое, подонки, аминь и пр. Положение устава прекрасное, но проходя чрез головы злобредные, делается негодным. Впрочем, сие есть вина председателя. Ибо его точно должность, получа все критики, сообразить их и выпускать одни только замечания без примеси колкости.

38. Вышла третья книжка (март) журнала «Улей», в коей достойны примечания статьи о заведении у нас институтов для женщин. Тут же моя ода к издателю.

39. План написать оду государю Просвещение, сохранить *неразборч.* прозоропею Петра великого. Образовать науку солнцем. В сей оде надобно восторг, действие и приближаться рода пиндарического, а не гораціанского.

Так же сообразить оду Христианин.

40. 31 марта вышел наконец последний № «Цветника», в коем, в числе 12 пьес, замечательные суть критика на перевод 2 статей из Лагарпа, в коей много о языке основательного, и все галесизмы и ошибки переводчика справедливо доказаны. Так же исчисление слов странных и диких, в поэме кн. Шихматова находящихся, очень смешно и справедливо.

Из стихотворных лучшее творение не только по механизму, но и по достоинству мыслей и огню, есть послание г. Милонова к Грамматину о умеренности. В нем много хороших вещей. 2-е — его же куплетами о наслаждении к Измайлову. Но сие есть обыкновенное, басни ничего не значат, потому что рассказ голый без чувств и жизни.

41. Послание Василья Львовича Пушкина к г. Жуковскому, называемое защитниками Шишкова Карусельное орудие, много потеряло своего блеску в печати. Сочинитель мастер читать и в его устах оно более нравилось. Сия пьеса делает шум, поелику метила не в бровь, а в глаз на почтенного Ариста Шишкова, но сама по себе не заслуживает никакого внимания.

42. Около сих времен последовал раздор в обществе Любителей словесности, наук и художеств, которое собиралось в доме президента своего Д. Ивановича Языкова (Языков без еров). Там юноши Милонов, Никольский и другие до того вознегодовали на Попугаева, что явно при чтении его пьес смеялись. Он сердился. Насмешники сказали: выпишем его из членов, мы не хотим иметь с собой птицы. Языков сложил свое диктаторство и общество из его дому безглавное переехало в Миллионную, в филантропическую залу.

43. У нас Петрова мало знают. Майков называл его Спасским школьником. Но сей спасский школьник, по мнению моему, есть такой в поэзии исполин, который по дарованиям и знанию легко задавит дядюшку моего Майкова: хоть сей второстепенный писатель не лишен был достоинств, а особливо в роде шуточном. Возвращаюсь к Петрову. Сумароков и Херасков, современники его, не только о нем ничего не писали, но мало и говорили. Сей знаменитый Петров принадлежит к обеим временам, то есть к Ломоносову и нашему. Мы еще были более неблагодарны. Желая очистить язык наш, без толка напали на Петрова, не отличая его истинных достоинств, втоптали в грязь его язык, забыв, что существо поэта воображение и чувство. Заранее смело утвердить можно, что Петров останется в числе больших песнопевцев навсегда. Г-н Капнист думал его своей сатирой обругать и погребсти; но кого он ею обругал, не знаю.

Из числа од г-на Петрова, по мнению моему, три суть образцовые не только у нас, но во всякой литературе, а именно: ода на рождение нынешнего государя, князю Орлову и князю Потемкину. Сия последняя, по мнению моему, есть превосходнейшая и в настоящем роде лирическом. Чувства и восторг, первое качество оды, в полной мере сияют. Известно, что Петров обращался дружески с князем Потемкиным и в минуту возвышения его излил чувства дружбы на бумагу. В сей оде разнообразное единство удивительно. Воззав к Фебу своему, то есть к воспеваемому им мужу, находит случай разные делать картины. Картина войны, картина мира, картина случая или временного могущества и наконец рассудительное определение государственного человека, которое есть образцовое на всех языках. В оде на рождение государя много вымысла, но восторг в ней уступает воображению. Ода к князю Орлову есть философская. Есть в ней хорошие мысли и хорошо сказанные. [*Позднейшая приписка*: В журнале сореволюционеров находится также о Петрове разбор его оды к адмиралу Мордвинову, соч. П. Плетнева.]

44. Предполагаю написать в стихах письма к Александру Александровичу Писареву следующего содержания.

Простое предложение то, что язык наш может сделаться вселенским или всеобщим и что сие точно зависит единственно от писателей или стихотворцев.

Предполагают, что малое покровительство правительства, неупотребление русского языка при дворе и в знатных беседах останавливает успех его.

На сие возражается: училищ духовных и светских тьма, в императорском кабинете можно справиться, сколько летает за пустые сочинения перстеньков и табакерок. Не говорят по-русски для того, что русский язык не остепенен и нечем говорить. Однако все то, что хорошее, на памяти у многих обоего пола. Многие благородные общества играли «Семиру», «Дидону» и «Хвастуна». Притом же во время Виргилия говорили по-гречески. Во время Марота и Корнелия по-италиански. Настоящая причина та, что нет истинного честолюбия уподобиться превосходным образцам. Иные, порядочно учившиеся, избирают другие роды службы; иные, при средних дарованиях, лишены способов, то есть знания древних языков, подражать древним образцам, забыв о натуре, передразнивают только Расина и Буало. Заключение: язык хорош, и образцов достаточно. Без сомнения, есть и дарования, но не достает в том, что нет постоянного прилежания и сведений. К природному дару надобно читать, читать, читать, природу и опять природу, потом Гомера, Виргилия, а потом Корнелия, Расина и других французов, немцев и англичан, а более всего знать коротко свой язык.

45. 17 апреля на деревянном театре дана в бенефис актера Щеникова оригинальная трагедия г. Олина «Изяслав и Владимир». — Правда, что автору 19-ть лет, но в ней нет ни плана, ни действия, ни страстей, ни стихов, ибо язык варварский. Ее назидал старый славный актер Дмитревский, но *сoup de théâtre* один на другом в куче, без толку и за волосы подтянуты.

46. Я на вскрытие Невы сочинил во вкусе Горация оду Ив. Матв. Муравьеву в трех куплетах, которая очень понравилась.

47. Я получил от г. Левека из Парижа письмо, извещающее, что мои лирические творения приняты в Институте с похвалой и что они в записке того дня упомянуты. Требуется от Алексея Иван. М. — Пушкина анекдот о Екатерине II-й, что отобрав также и от Шишкова к нему послать. И притом мою «Андромаху». [*Притиска другими чернилами: Левек, не выпустя нового издания своей истории и не дождав ответа моего на сие письмо, умер в Париже 1812 года.*]

48. Александр Семенович Хвостов на меня, как сказывают, негде между прочих поместил:

А граф ————— сказать и без укор,
Танцует как Вольтер, а пишет как Дюпор.

Я ту же минуту вспомнил о похищении его у Шуазель-Гуфье денег, к сему Екатериною II-й посланных, за что ему и худо было, — сказал:

Конечно, граф Хвостов в дарах Хвостова ниже,
Об этом ведают в Царьграде и Париже
Известный в наши дни посольством при дворах
Любитель Греции, защитник Париандра,
Писатель Шуазель Хвостова Александра
Европе показал в разительных чертах.

Большое волнение при чтении нашего 2-го разряда. Державин через министра полиции изведывал, будет ли император на его Беседу, то есть что приглашал сего знаменитого гостя нежным образом. Балашов спрашивал и привез старику министру и поэту ответ нет под разными предложениями. Песнопевец, презря сие, махнул сам звать императора, был допущен и объявил всему городу, что государь будет. Вместо того накануне Беседы

государь прислал сказать того же Балашова: Я вам не давал слова, вы ослушались
Вот и на сие эпиграмма:

Державин говорит: один
Я Фебов сын.
Мне батюшка сказал на холмах Геликона:
Пожалуй, ничьего не слушайся закона.
Вскричали музы все: О, бог, лиющий свет,
Ужели верить нам?.. Бог отвечает: нет,
Ослышался поэт.

Вот еще эпиграмма на Хвостова:

Хвостов в Петрополе воздвигнул богу храм.
Хвостова совесть мучит.
Он много в жизнь свою наделал эпиграмм,
Трепещет, что за них по смерти казнь получит.
Напрасно трусит он. Казнит кромешна тьма
Суровые сердца, в жестокости упрямы.
Не спору, иногда казнит и эпиграмма,
Но только острая, где блещет соль ума.

49. Наконец, 1811-го года, апреля 22 числа, было пред посетителями чтение второго разряда и, можно сказать, весьма великолепное. Не менее трехсот человек лучших людей в городе, в котором числе множество дам и в заключении на хорах с сопровождением лиры был пет придворными певчими гимн и дифирамб, сочинения господина Державина, музыка г-на Бортнянского. Сие все заготовлено было на случай приезда императора и фамилии, и называется сретение солнца Орфеем.

50. Читаны были: 1. Трактат Державина о лирической поэзии, как выше сказано, никуда не годится.

2. Ода Истина — его же, мистическая и так же плоха, как и трактат.

3. Первая сатира Горациева с маленьким предисловием о его философии. Перевод в прозе г-на Муравьева очень хорош, только жаль, что в прозе, ибо так можно перевести каждому ученику.

4. Письмо о критике графа Хвостова.

5. Две идиллии Ручей и Цветок Ф. П. Львова. Без вымысла, огня и чувств, только очень щеголевато. Например теплицы он называет стеклянными латами цветов и прочее.

6. Вышеписанный гимн и дифирамб.

В гимне второй куплет очень хорош и истинно лирический.

Грядет, грядет
И светлое чело возносит и проч.

Сие восхождение солнца прекрасно и пойдет в образец.

Хвостов говорит, что эпиграмма «танцует как Вольтер и пишет как Дюпор» не его, а Княжнина. — Бог их души ведает.

51. Я сочинил на потопление кн. Италийского оду.

Некто юноша г-н Лыкошин, служащий при министре юстиции, издал в «Улье» апреля месяца и после напечатал особою книжкою письмо к приятелю о переводе «Андромахи» мною, — Сие сочинение без связи и наполнено излишними и неопределенными

похвалами, но однако есть в нем основательные замечания о языке и критики на стихи справедливые, хотя мелочные.

52. 5 мая в нашем Державинском разряде читаны были присланные из 3-го разряда стихотворения: 1-е Герои — комическая поэма к. Шаховского, и при ней предисловие, 2-е два послания Шапошникова. Поэма писана плохо, стихи обыкновенные и тяжелы, но есть места удачные. План — подражание «Налою». Начало оной, невзирая на название, очень усыпительно, до появления переплетчика. Вина автора. Сия песнь могла бы хороша быть, ежели бы сошествие богини веселости и ссора с Раздором были хорошо описаны. Вообще у автора и в лучших местах слог вялый, на лице Гаспара, кроме некоей тяжести в стихах излишнего распространения — очень хорошо. — Эпизод хотя подражательный Палисоту (смотри «Дюнсиаду» о неудаче Мармонтеля при ложе богини Глупости), что Раздор, пришедший будить Гаспара, сам засыпает, не приметя, что близ него усыпительная книга творения Глупицкого. Замечаний сделано на нее тьма и справедливых. Псалмы очень обыкновенны. Нет в них не только огня лирического, но поэзии.

53. После того к тому же чтению 7 мая в доме Ивана Ивановича Дмитриева читал Александр Семенович Хвостов свое в прозе суждение, вообще о словесности и поэзии. Разделение его совсем погрешительное, а слог подъяческий. Системы никакой. Аристотель и все по настоящее время делят слог на три части, высокий, средний и простой. Г. Хвостов числит церковный, книжный, гражданский, простой и народный. — Поэтому есть слог дворянский, министерский, приказный и пр. Таковое новое деление никакой пользы не принесет, кроме того, что одурачит автора и затмит бесчисленными делимостями понятие о слогах. — Слог более относится к мыслям, нежели словам. Слова с переменою от времени, т. е. употреблению окончания своего, не теряют существо. Бе и бы л все равно, а зависит от обычая и слуха. Песнь Иова из Ломоносова так же в высоком слоге, как и славянская, которая в библии. Ежели мне г. Хвостов скажет, что сей последний не станут читать в церкви, это правда, но сие уже принадлежит до правил церкви, а не языка. Впрочем, все сии учебные правила его не имеют никакого правила и воображения, даже все то, что известное и что общее, смешно и перепутано.

54. После шведской войны при Екатерине II поднесен от С. П. Бурга покойному фельдмаршалу гр. Ивану Петровичу Салтыкову кубок с надписью «Спасителю столицы». — Отец его, гр. Петр Семенович, при императрице Елизавете пожалован за разбитие короля Прусского великого Фридриха при Франкфурте в фельдмаршалы. Кн. Сергей Николаевич Долгоруков написал на сие:

55. Le père eut des lauriers parce qu'il aimait la gloire,
Le fils est un tucot parce qu'il aime à boire.

Вот перевод:

Родитель лавр стяжал: охотник к славе был.
Но сын охотник пить и кружку получил.

56. В Москве издается журнал «Театральный Меркурий» издателем «Журнала для милых». Г. Макаровым там помещена комедия «Обращенный Славенофил», в ней обруганы Шишков, кн. Шаховской и Каченовский.

57. Александр Петрович Ермолов мне отдал несколько анекдотов Екатерины II, у коей он был, как известно, целый год весьма близким. — Сие для Левека.

58. Слышу, что Ал. С. Шишков и весь его разряд не пропускал творения Хвостова о слоге, яко недостойного чтения.

59. Было 18 мая 1-е собрание Беседы, назначаемое по понедельно в занимаемом доме графа Потемкина. Занимались многими предметами, относящимися до устройства. При-

няли в сотрудники г. Грамматина и Воронова. — Поручили мне писать митрополиту Платону о избрании его Беседами в почетные члены.

Читали сочинение в стихах подражательно «Душеньке» — «Утеха» г. Трофимовского, в легком роде, не худо; так же места из письма г-жи Буниной о Суете.

Я послал к г. Анастасевичу стих к портрету Балашова, сочинение г. Лахмана.

Я прочитывал вновь творение Батте «Cours de belles lettres» и много в них нашел того, что я уже себе присвоил.

60. Сказывали мне, что Державин посылал в 3-й от 2-го разряда суждение сего последнего о предполагаемом чтении первого, все оно статьи опорачивает по недостатку изящества, а сообщает повествование Терамена из трагедии Расиновой о кончине Ипполита, им переведенное, о невежественном самолюбии.

Проекты мои. Письмо в стихах, что ревность желающих доказать, что просвещение у нас было до Петра великого напрасно. Аxiome письма просвещение собственно сказанное и устройство с civilisation poésie та, что Феофан восстанет и возражать будет. Доказательство — флот, войски, училища, ученые.

61. В прозе к Ив. Мат. Муравьеву более шутивное, что поэзия может несколько ломать собственные имена — Гектор, Гектор, Дёпро, Дёпрео. Сослаться на «Цветник». Попрекают Шишкову Лукень — Лукан <?> и пр., а тут же Дмитрев вместо Дмитриев.

К Писареву о том, сколько учение искусство необходимо поэту, что без него гений или вдохновение недалеко поведут.

62. Чтение 3-го разряда 26 мая <у> Хвостова.

О стихотворении председателя, плоско, вяло и ничего не значит.

Псалмы Шапошникова, весьма обыкновенны.

Письмо Буниной, слог жесткий и щеголеватый, но есть не худые стихи.

Отрывок Филатова.

Шутливая поэма кн. Шаховского, очень не худо.

63. Сказывали мне, что в «Вестник Европы» послана рецензия на 3-е чтение Беседы нашей, в коей все чтение не пощажено, а особливо председатель, и поставлены в эпитаф следующие мои стихи из письма о пользе критики:

Не спорю, критиком быть настоящим трудно,
А наугад судить легко, но безрассудно.
Нелепых много есть на свете знатоков,
Чье право на Парнас — десяток острых слов.

Сие происшествие сведомо мне от Александра Александровича Писарева.

64. 21 июня во среду представлена была перевода моего трагедия «Андромаха». Сие представление подарено мною в пользу больницы для бедных. Но они, по милости князя Шаховского, выбравшего летнее душевное время для сего бенефиса, с намерением унижать талант актрисы г-жи Семеновой, немного щедротою моею воспользовались. Ибо сбор не более простирался, как до пятисот рублей. О чем и «Северная Почта» гласит.

65. Христофор Осипович Кайсаров взял на себя прокритиковать 3-е и 4-е явление 4-го действия переведенной мною «Андромахи» с присовокуплением подлинника по изданию г. Жоффруа и с его замечаниями.

66. 1-го июля подарил мне Василий Сергеевич Филимонов сочинение свое о правах естественных.

67. Вышел 1-й том Вступления истории генералиссимуса «составленный» Фуксом. Много истины, писано пухло и блестяще, но основательных идей мене.

68. Описание карусели В. Львовича Пушкина.

69. Обзорение словесности русской по 19-е столетие, сочинение Алдегунда, что при вдовствующей императрице. [*Притиска другими чернилами*: Сие сочинение есть более реестр, без суждений о писателях.]

70. 14 июля я отдал Василью Григорьевичу Анастасевичу печатного русского «Art poétique» de Voileau и две песни оного, первые скорописные, для просмотра.

71. Бывший книгопродавец Сопиков сочинил библиографию полную. Мне обещали его со мною познакомить.

72. Славянский и русской язык, говорит Шишков, один. Смори «Цветник», «Вестник Европы», № 13 и 14, 1811 года. Смори Шишкова речь в Академии и дополнения.

№ 14 «Вестника Европы» помещает шуточную и прекрасную критику на описание карусели Вас. Льв. Пушкиным.

73. Образцы красноречия в прозе. Издание г. Воейкова. — Слепок, но полезный. Почерпнуто из Ломоносова, Карамзина, Феофана, Самуила, Платона и переводы из Боссюэта и других. — Так же как и у Жуковского, образцы неудачны, пропущена славная пиеса митрополита Амбросия Подобедова на убиение Амбросия архиепископа московского тамошнею чернию.

74. 19 июля вышло 2-е чтение Беседы, содержащейся против устава и порядка в двух книжках, первая вся заключает в себе рассуждения г-на Державина о лирической поэзии, которое не иное есть, как перевод из слова в слово аббата Батте (Batteux), но умноженный или, лучше сказать, разжиженный неосновательными понятиями и ложными заключениями русского сочинителя.

Они суть: страница 5-я. Ода не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии — она не наука, но огонь, жар, чувство.

Страница 7. «Положим, что всякого другого, низшего рода песнопения могут источником своим иметь страсти, обстоятельства природу; однако высокие священные псалмы ничто иное суть, как вдохновение божие».

«Ода плана не терпит» — страница 38.

Страница 40. «Единством называется и то, когда поэт предмета своего ни на миг не упускает из виду». — Это не единство, а план, а единство только в чувстве. О краткости и вероподобии мысли г-на Державина столько же неудачны, а о перескоках, как он называет, совсем ложны. Примеры по большей части никуда не годятся и должно думать, что выбраны на смех. Словом, все сочинение, как выше сказано и легко доказать, тоже никуда не годится.

75. Я полную свою биографию отдал г-ну Аделунгу чрез г-на Глинку в Петергофе 22 июля. [*Притиска другими чернилами*: Сей Глинка был при великих князьях и дядя родной известного Кюхельбекера.]

76. 27-го отдан немецкий перевод письма моего о пользе критики на пересмотр ректору духовной невской Академии.

77. 1-го августа вышла притча «Шут в маскарале», скорописная. Сочинение Александра Ефимовича Измайлова. Оно метит на Шишкова, утверждающего неразделимость языков славянского и русского. Притча представляет старика, одетого по обычаю праотцев. Срачица пестрая, с косым воротом и запонкой. Штаны с гультиком и проч. и проч. Замысел весь клонится на показание, что сам вице-адмирал Шишков смешивает часто неудачно с славянскими обороты и речения французские, и для того на голове у старика парик французский с пудрою. Старик бесится за отступление наше от нравов и речи предков. Маскарал уличает его париком французским. Со стариком ходит молодой человек

в таком же странном одеянии и именно в шахматном халате. Игра слов целит на фамилию князя Шихматова.

Иван Иванович Дмитриев находит, что подобие не очень близко и потому не очень поразительно. По моему мнению, сия притча исполнена остроты. Описания в ней одежды стариковой очень шутливы и замысловаты. Разговор его ему приличен. Впрочем, в басне сей не находится той простоты и беспечности, кои оживляют сей род. Творение г-на Измайлова есть более полемическое и сатирическое, чем басня.

78. Во время моей болезни я сочинил две следующие эпиграммы:

Бездушкины
Нарышкины, храня учтивости законы,
Охотно платят век визиты и поклоны,
Да то беда,
Что лишь долгов своих не платят никогда.

* * *

Гордиться суетой [всяк смертный] Надутин перестанет,
Когда вспомянет
О краткости ему сужденных в мире дней:
Сего дни на земле, а завтра под землей.

79. Г-н Милонов читал мне отрывок из Расиновой «Ифигении». Речь Клитемнестры к Агамемнону чисто и недалеко, по слабо и нет духа Расинова.

80. Устав Общества любителей словесности при Московском Университете, по моему мнению, гораздо лучше нашей Беседы. Там голова одна, то есть председатель, а не четыре, и Общество тоже одно, ибо не разделено на разряды.

81. Г-н Измайлов еще написал басню «Филин и соловей». Разумеется, что филин — Шишков, соловей — Карамзин. Филин очень похваляет ворона, своего соседа, и сына, своего ученика.

82. В № 15 «Вестника» критика на 3-е чтение Беседы, то есть Ал. С. Хвостова, тогда, когда еще она была не напечатана. Большой вопрос и спор, можно ли критиковать непечатанные сочинения, разрешается тем, что критикуют представляемые на театре сочинения и что французы извещают всегда критически о заседаниях своих академий, лицей и проч.

Мне сия критика не нравится, потому что она метит не на самое рассуждение г-на Хвостова, а только пеняет, для чего не упоминали о Якове Борисовиче Княжнине, что есть побочное и мелочное. Впрочем, находятся в оной критике острые и замысловатые места. Но она только что предварительная и обещает полную, когда сочинение будет напечатано.

83. Я сочинил по просьбе г-на Мартоса стихи и описание к монументу Павла 1-го, с присовокуплением других стишков, и описание храма и барельефы г-на Томона и Мартоса.

84. Я сочинил оду на освящение Казанския церкви. Амвросий митрополит сказал князю Голицыну, что, прочитав прежде мою оду, не говорил сам проповеди затем, что нового нечего было сказать.

85. В критическом комитете Беседы, собирающемся в доме г-на Крылова, взялися за дело, оной достойное, а именно разбирать г-на Ломоносова. Вот мой разбор на первый куплет.

Первый куплет оды на покорение Молдавии есть образцовый по красоте мыслей и живости поэзии. Восторг, которым песнопевец объят, представляет ему все относящиеся к предмету его вещи вдруг, так что он не успевает их описывать, притом все одушевленно, все имеет лицо. Ветр забыл шуметь, источник, всегда журчащий и с шумом вниз с холмов стремящийся, молчит, молва спешит разнести известие о победе. Словом, тут восторг не есть придуманный и натянутый, но подлинный, он вводит все картины, кои в оде сей рассыпаны.

Отдавая справедливость поэзии куплета сего, как произведения превосходного разума, должен сказать, что есть в нем нечистоты, кои замечаю для предостережения молодых писателей.

В первом стихе прилагательное внезапный относится к обоим существительным и делает мысль тупою. Сие замечается, дабы не подать повод молодым людям опереться на ошибку г-на Ломоносова. Иные возмечтают, что ненаблюдение грамматики есть принадлежность восторга.

Во втором стихе глагол ведет относительно к восторгу очень слаб. Смотри замечания г-на Крылова.

4-ый. Хотя не имеет управляющего глагола, но благодаря языку нашему, ясен, заметить нужно для того, чтобы употреблять сие только по ломоносовски, искусно и не часто.

5-ый. Частица «нечто» и замечена, как выражение, низкое для лиры, но каким слово сие заменить? Притом оно обнаруживает мысль сочинителя, что всегда журчащий ключ, внимая нечто не просто, а со вниманием слушая, как будто имея разумную способность, молчит.

7-ой. «И с шумом вниз с холмов стремится». Я бы желал, чтобы о сем шуме и стремлении упомянуто было в предыдущем стихе, и ясно бы было, что всегда журчащий и стремящийся молчит, а теперь может показаться, как будто вместе и молчит и шумя стремится.

86. Сказывают, что Александр Сем. Хвостов, хваля оду мою на освящение Казанского храма, сделал двустигшие:

О, храма нового неизреченно чудо!
Хвостов стихи скропал и говорят, не худо.

Вот ответ:

Я верю чудесам.
То верно, граф Хвостов воспел Казанский храм.
Другой Хвостов от чуда не воспрянет:
Он сердцем и умом,
Рукой и языком
Грешить не перестанет.

87. В октябре месяце давали «Царь Эдип». Сочинение Грузинцова по начертанию Вольтера. — Пьеса слаба и писана очень не хорошо.

88. 16-го октября возобновили «Хорева» по совету моему в бенефис г. Жебелева. Сей плохой актер выбрал себе «Демофонта» Ломоносова, но сия трагедия преславного лирика нашего из рук вон плоха. Завязка ее, расположение и стихи — все взято из «Андромахи» Расиновой, с тою только разницею, что пьеса так холодна, как лед, а писана так скаредно, что я не понимаю, отчего сей великий пиит не умел чужих хороших мыслей переложить на свой язык, до такой степени, что я нимало не спесивлюсь, что мой перевод «Андромахи» лучше его, который тоже перевод.

89. Доселе лютая брань на Парнасе: в № 14 «Вестника Европы» критика на разговоры о словесности Шишкова, который отвечает ему длинным, утомительным и бранчивым сочинением, где привязавшись в конце к стиху Пушкина

Нам нужны не слова, нам нужно просвещение, —

говорит: сии бессловесные просветители и пр., но сие сочинение еще не напечатано. — Хвостов А. С. сделал возражение на № 15 «Вестника Европы», которого я еще не читал, но говорят очень плохо. Пушкин напечатал с предуведомлением оба письма на Шишкова, последнее сухо и есть жалоба и оправдательность, а не острота и огонь.

Дашков напечатал на Шишкова же возражение, на прибавление его к тому, что было читано в русской Академии. Я еще оно не читал, но многие хвалят.

90. Измайлов, сочинитель чего — не знаю, пустился на пасквили на Шишкова, Захарова, многих других и на меня. Между прочим, Анастасевича за похвалу мне называют подлым; Анастасевич отделался остро:

Достоинства люблю,
Так нет диковинки, что их я и хвалю.
За что же пасквилят меня ругает
И подлым называет?
[Я в мире подлого не делал ничего,
Хвалил я не его].
У пасквилянта вы спросите самого:
Хвалил ли я его?

91. Давали на русском театре в бенефис Яковлева «Атрея» Кребильонова, перевод Г. Жихарева. — Перевод не хорош, прозаичен и тьма рифм на анье.

92. Общество любителей словесности и художеств с 1-го января издает критический журнал, позволено им заседание иметь в Михайловском замке. — Президенты оного Писарев, Измайлов, Борноволоков, Дашков, секретарь Греч.

93. Милонов для сего журнала написал сатиру, где «замечены» Марин, П. Ю. Львов, Дашков злослов, Анастасевич и другие. Писано нечисто, ученически, полету во всем нет.

94. На посмеяние здравого рассудка и вкуса было чтение в Беседе г. Захарова. Смотри его «Хвалу женам», «Фаетонта», в коем первоначально не было метров и цезур, и наконец подлое и вялое стихотворение Карабанова. В заключение басни, по обычаю, Крылова, о коих говорить нечего, право, хороши.

95. 16-го декабря было чтение Шишкова «Речь о любви к отечеству». Публика ею довольна, члены Беседы были без памяти, но право речь худа. Примеры ребяческие, доказательства плохи, как то вера, воспитание и язык. Вера есть любовь к Горним, и внушает ли она патриотизм не знаю. История часто доказывает противное. Говоря о воспитании, автор отвергает иностранных наставников, то как же страна просветиться может, и третья, язык народа, чуждающегося произведений чужих стран, чем обогатиться может. Местами писано сильно и недурно, но вообще могла годиться при царе Михаиле Романове, а не потомках его. Оттого один просвещенный муж [другими чернилами сверху: Ив. Ив. Дмитр.] сказал шутку, хваля ее: хоть-бы митрополиту. [Притиска другими чернилами: Как бы то ни было, сия любовь к отечеству пожаловала автора в государственные секретари.]

96. 8-я песнь Илиады переводу г. Гнедича. Перевод конечно хорош. Знатки греческого языка утверждают, что ближе к подлиннику чем Кострова, что первое достоинство; но по мнению моему, полета стихотворного менее, чем у пьяного, доброго и почтенного

Ермила, при том не чистоты тьма. Похвалиться собою, летел и полетел рифмы и пр. пр. Оба переводчика Омира, как мне кажется, далеко уступают Петрову в «Энеиде».

97. 16-го декабря избраны членами Росс. Академии г.г. Муравьев-Апостол (Иван Матвеевич), Гнедич, Крылов и некто Поспелов.

Стихи мои на смерть графу Александру Сергеевичу Строганову напечатаны в «Вестнике Европы», в Москве, № 22 1811 года.

В том же «Вестнике» № 23 в записках похвала переводу моему «Андромахи». [*Другими чернилами*: Какие стихи, и где они, автор в 1826 году не помнит.]

98. Я сочинил оду «Дар», письмо к Ив. Ив. Дмитриеву о упражнении моем в стихах и стихи г-же Семеновой на успех ее в Москве, где она дебютировала в роли Гермионы и стечение зрителей было так велико, что платили по десяти рублей за купоны. [*Другими чернилами*: Автор и о сих стихах Семеновой в 1826 году не помнит.]

99. В «Вестнике Европы» № 23 напечатано прекрасное стихотворение князя Ивана Мих. Долгорукова под названием «Совет влюбленному». Ежели бы сей поэт вычищал более свои стихи и знал бы хорошо свой язык, то избилуя острою и живостью чувства он верно бы попал в первостатейные приятного рода писатели. Потомки верно поставят его в ряд с Державиным, который славою своею одолжен удачным местам в сем роде сочинения; но то беда, что оба они суть поэты, дар природный имеющие, но не поэты, образовавшие дар свой до превосходства.

100. Российская Академия, долгое время не приемля нового слога г. Карамзина, называя его новоязычием и искажением языка, отвергала, невзирая на двукратное предложение покойного Михайлы Никитича Муравьева, приобщение его к своему сословию. Наконец, 30-го декабря 1811 года объявлено мне, что при первой вакансии приступят к его избранию, и я его «в» ту минуту предложил.

101. Милонов, Михайла Васильевич, упражнявшийся с успехом по молодости лет в стихотворстве, написал сатиру на стихотворцев. Сатира сия имеет остроу и затейливость, хотя не обилует поэзией, огня (verve) совсем нет и весьма далеко от соли Державина, Дмитриева и даже Горчакова, притом тьма недостатков в словосочинении.

Например, он про Фирса говорит:

Привык вступаться Цицероном.

Как вступаться Державиным и пр. тут нет смысла и не по-русски. Должно сказать: вступаться как Цицерон.

Еще про кого-то: он с грамматикой не знался. Что за нужда сатирику до прошедшего. Может быть, что пиит М., зачав писать стихи, научился сей по внушению Аполлона. Сатирик хотел сказать что пиит не знает грамматики, но сего не сказал, а учителю должно быть ясну и непогрешительну.

Успех... актрисы превосходной

За перевод... трагедии негодной.

Грубая ошибка: автор метит на переводчика, а вместо того эпиграмма выходит на подлинник. Ежели сатирик не хотел назвать по некоторым побуждениям французского сочинителя Корнеля славного, Расина или Вольтера, то должен был дать объяснение своей мысли, сказать «певца великого за перевод негодной», и тогда было бы сие ясно.

Я откровенно все сии замечания сказал г-ну Милонову и советовал ему сатиру его почистить, коли он ее намерен печатать. Впрочем я сатиру сию видел мельком.

102. Профессор Царскосельского лицея, воспитанник Московского Университета г. Кошанский, издал со греческого с примечаниями в стихах большую книгу в четверку, стихи Биона, нужно мне сию книгу достать.

1812 года.

Январь

103. Я сочинил стихи на смерть графа Завадовского по желанию Логина Ив. Голенищева-Кутузова.

Вот эпиграмма:

Морозин говорит: скончавшихся певцов
Намерен увенчать не лестной похвалою.
Достоинство живых, когда умру открою.
То слыша, я сказал, без околичных слов:
Пожалуй, для меня не береги венцов,
Не тороплюся я быть похвален тобою.

Возмечтали, что в письме моем, где Обжоркин, сие изображение делит на известного баснотворца Ивана Андреевича Крылова, коему я на сие сказал:

Не чти, Крылов, за былъ ты вымысла мечты.
Обжоркин мой никто! и именно не ты.
Как все, ты ешь и спишь, и воздухом ты дышешь,
Но лишь не так, как все, — прекрасно басни пишешь.

104. Историограф Карамзин имеет истинные достоинства как писатель. Российская Академия, поставя по внушению его недоброжелателей себе за предлог его цветущий и может быть инде жеманный слог, доселе не хотела иметь своим членом, не взирая на двукратное предложение покойного Михаила Ник. Муравьева и отзывалась, что он искажил российский язык. Ныне отозвалася, как скоро откроется убылое место, приступить к избранию Карамзина по моему предложению.

105. Я внес в Академию сто руб. на сделание портретов. Павел Ив. Кутузов прислал мне перевод свой Гезиода. По мнению моему, перевод хорош, но много рифм и даже сряду, на ает. Он же прислал книжку французских своих стихов, где перевод оды Державина «Бог» и моего письма графу Строганову. Французы очень бранят русского поэта и я с ними согласен. Нет нужды писать на чужом языке: но по мнению моему перевод Державина не худ; в оригинале много темноты и тупости, коих переводчик избежал.

106. Полковник Писарев, Беседы секретарь, меня очень рассердил лъстивым письмом, которое из Москвы писал ко мне, а паче к Державину; кроме неслыханной ему лести тут сказано, будто все московские литераторы с похвалою о наших книжках отзываются и сознают, что лучше ничего не видывали. Сходно ли это с истиною и даже с самолюбием великого писателя? Но что г. Писарев находит в наших книжках, кои гораздо хуже «Вестника Европы» всех годов? Ежели речь о прозе, то ее совсем нет. — Ежели о стихах, то кроме басен Крылова, несколько мест поэмы кн. Шаховского и подобных, и сие все не есть еще образцовое.

107. 20 января В. Ст. Попов избран попечителем на место гр. Завадовского в нашу Беседу.

За разбор библиотеки Залуцкого, то есть публичной императорской, Оленину пожалован 2-й орден св. Владимира, Гнедичу 4-го класса тот же орден, а новое у нас для покровительства словесности — баснотворцу Крылову 2000 рублей пенсии. Обе императрицы были в библиотеке, и Крылов имел счастье читать им свои басенки, за кои получил от них лестные знаки монаршего внимания и благоволения.

108. В «Вестнике Европы» 1811 года № 24 прекраснейшая пиеса мыслями и хорошими стихами кн. Ив. Мих. Долгорукова под названием «Советы влюбленному». Она есть из лучших в горацянском роде на русском языке.

Я пишу для себя, следственно и виноват перед собою вообще за неисправность слога и вмешивание иностранных слов, как то пиеса и подобные.

109. В «Вестнике Европы» 1812 года № 1 помещен перевод Катенина первое явление Есфири. Стихи весьма обыкновенные. Худо очень то, что переломаны древние имена: Вениамин — Веньямин, Ияков — Яков, Авраам — Аврам и пр. Сия стихотворческая вольность уже непростительна, паче в именах верою освященных. Просвещенный чиновник в бумаге государственной не скажет: царь Иван.

110. Во 2-м номере напечатано суждение нового хорошего французского лирика ле-Брюна об оде, переведено г. Граматиным.

На место сенатора Захарова избран в председатели Беседы 4-го разряда Иван Матвеевич Муравьев.

111. 26 января чтение при посетителях 2-го разряда.

Рассуждение в прозе о лирическом стихотворении г-на Державина.

Его-же ода на Казанскую. Его-же ода на «Баню» Аристиппа.

Все сии три пиесы не достойны внимания, хотя в «Бане» есть искры погасшего таланта.

3-я сатира Горациева с предисловием Муравьева, и то и другое мелко и плоско.

Письмо Федора Петровича Львова в стихах и прозе. Заранее ручаюся, что понравятся, ибо слог довольно легкий и цветущий, но очень *recherché* и *précieux*. Что такое «беглое платье», «ограбленный до нага лес» и пр.

Его же письмо к другу, — сколок с Державина «К соседу», но слог натуральнее и живее, чем предыдущих письмах. Есть места хорошие, но далеко от того истинного таланта, который в подлиннике, то есть оде «К соседу».

«Боян» стихами г. Язвицкого, не худо, но сухо.

Письмо Жихарева о уединении, чисто писанное, без дальней поэзии, мыслей и слов.

Мое письмо (Обжоркин) Ивану Ив. Дмитриеву.

Ода из Горация г. Милонова, в коей виден талант и хороша.

112. Эротические стихотворения с эпиграфом из Рарну «*A mes accens si tu daignes sourire*» и пр., в типографии Шнора 1811 года. В прозе большая на страничке похвала поэзии с упоминанием, что в ней упражнялись Генрих IV, Фридрих II и Екатерина II. Это все правда, но воля князя Павла Гавриловича Гагарина, Рим и Афины боготворили сей дар небесный тогда только, когда поэзия хороша, а такие как его в эротических творениях, где нет ни смысла, ни правильности, ни вымысла, ни звучности, такая поэзия в Риме, Афинах, Париже, Петрополе и везде никуда не годится.

113. 27-го января читали сравнение переводов священного писания, сочинение Евгения Вологодского. Любопытно для искателей древности. Чтение сие было в Российской Академии и положено оное в изданиях ее напечатать. Но Мефодий не пропустил, яко вызывающее раскол.

114. Февраль. От Ивана Ив. Дмитриева внушено мне, чтобы я при напечатании моего к нему письма, читанного 26 февраля, не упоминал его имени, а поставил бы точки. Предлог, что тут есть колкости и сие не прилично его званию. *Quelle petitesse*. Колкости общие. Гораций и Депрео сатиры свои приписывали и с именами меценату и королю, не взирая на их звания.

В оде моей на смерть Завадовского сказано: «К последней пристани людей». Слово сие (люди), хотя находится в священном писании, в Ломоносове, Хераскове и других, но

я его весьма редко употребляю, в угодность употребления, которое есть царь языков. Мы разумеем люди — холопы и для того слово сие помещать должно весьма внимательно, ибо теперь оно принадлежит к слогу низкому.

115. Вышла первая книжка журнала, издаваемого обществом любителей словесности, художеств и пр. пр. Он называется «СПб Вестник». Главные издатели суть Дашков, Измайлов, Никольский, Греч, Милонов и пр. — Для времени забавны нападки на Шишкова, на кои он сам наскакивает. Шишков возражал за разговоры о словесности на Каченовского, но видно удаляясь ссор, выдал собственное сочинение свое под именем Неопытного молодого человека. Неизвестный привязался к сему и старика Аристарха отделал, говоря, что верно это без воли адм. Шишкова, и что защитник его подлинно неопытный, без логики и не учился грамматике.

Стихи Милонова сатира, басни Измайлова, из Горация Пушкина, все очень обыкновенно и плоско. Язвический принял m^{rs} du Port-Royal за лицо, переводя грамматику их, журнал сие очень затейно заметил и грамматику справедливо отбрил. Критика на «Жизнь Суворова» Фукса, по мнению моему хороша.

116. «Аглая», первая книжка 1812 года, князя Шаликова, большая шалость, ничего нет, совсем белая бумага.

117. 1812 года, февраля 12-го дня, в первый раз в пользу актрисы Валберг давали по-русски «Britannicus» de Racine. Перевод хотя близок и словосочинение довольно свободно, но нет Расинова ни духа, ни рисовки. Всечасный переход с слога книжного на слог площадной. Много и смешных: «пой мою ты мать».

118. 23 февраля Беседа 3-го разряда Александра Сем. Хвостова. Отрывок исторический вступление на царство М. Ф. Романова, сочинение П. Ю. Львова. Изрядно, обыкновенно и надуту.

2-е. Уныние, подражание Шиллеру, перевод стихами Шапошникова прозаический. 3. Письмо кн. Горчакова о Суете. Много острого, но не нового и эпизод Ванюши слишком бюрлеск. 4. А. С. Хвостова правила о мадригале надписи и пр. — маловажное и известное. 5-е. Шуточная поэма кн. Шаховского песнь 2-я. Очень хорошо, только мне жаль, что тут вмешаны стихи Карамзина и других. На что нам, особливо Беседе, наедаться и перенимать лай собачий у французских писателей? Что им позволено, то нам нет, мы дву-ипостасные. Я сказал Шаховскому: мы все князи да графы. Осмеяние относится на наших жен, детей и на наше в обществе состояние, какового литераторы иных земель не имеют.

119. В ноябре месяце 1811 года г-н Захаров пред чтением своим представил Беседе стихотворение под именем «Падение Фаэтона» от Неизвестного сочинителя и приложил письмо от него к нему, писанное из Харькова, в котором сочинитель, как водится, охуляя сам себя, дал ему право на все поправки, желая только чтобы сочинение было прочитано в Беседе, в которой нашлося, что Фаэтону не мудрено было упасть с небес. Ибо он и в стихах чуждался равновесия, так что многие были без стоп. Некоторые недостатки поправлены и «Фаэтон» прочитан в Беседе. Два месяца спустя после того г-жа Бунина напечатала «Фаэтон» под своим именем в своих сочинениях и крепко нападает на Беседу за сделанные ей поправки. Любопытный может сличить оба сочинения и потом оценить смирение Неопытной музы. Сие приключение подало случай к шутке — стихам, которые у сего прилагаются:

Известно каждому паденье Фаэтона,
О том гремели вслух певцы во всех краях
В хороших и дурных стихах,
Пустяся по следам изгнанника Назона.

Однако же про то
 Не ведает никто,
 Что сильная печаль постигла Аполлона,
 Когда после сих бед ему Зевес
 Велел быть пастухом, прогнав его с небес.
 Жаль сына потерять, а места жаль и вдвое.
 В отставку богу быть — несчастье большое.
 Но наконец кудрявый Аполлон,
 В груди питая грусть и стон,
 Почти что вне ума к Парнасу обратился.
 В угодность муз он в юбку нарядился.
 И попевать стал в сумерки сперва,
 Потом вскруженная досадой голова
 Пустилась петь по воле
 Час от часу и боле.
 Хоть в юбке Аполлон казался миру стар,
 Хотя потух небесный жар,
Но он всечасно
Изволит петь чрезчур несладкогласно.
 То музы видели и рвение напрасно
 Желая обуздать, сказали все согласно:
 Печаль в твоей, о, Феб! гнездится голове.
 Коль юбку ты надел, шей лучше по канве.
 Мы говорим тебе почтительно, учтиво,
 Что богу в юбке быть ни мило, ни красиво,
 Что бог обязан петь, когда поет, на диво.
 Кумир сияния, стихов отец
 Есть песнопения неложный образец,
 А у тебя в стихах частенько стоп не видно.
 Не знать размера стоп певцу земному стыдно.
 Прибавили к тому,
 Что в угождение ему
 Ошибки сгладили, хоть всех и не успели.
 Лишь музы то пропели,
 Изволил отвечать им бог стихов
 Собором бранных слов,
 Что часто на земли бывает меж певцов.
 Феб в юбке рассердился
 И крепко заорал,
 Пегаса обуздать грозился.
 Садясь на коня, за юбку зацепился
 И оттого с коня упал.

120. В марте месяце 1812 года, когда Александр Семенович Шишков пожалован был в звание государственного секретаря, многие, как водится, писали ему стихи, в том числе и Христофор Осипович Кайсаров, которые известны по полустижию «В карете под орлом». Публика доселе не знает, кто истинный сочинитель сих стихов, ибо сочинитель из скромности себя не объявляет, из которых вышло большое недоразумение и пар-

насская ссора. Шишков в минуту отъезда своего к армии, получа сии стихи, принял их с похвалою, писал благодарительное письмо известному сочинителю басен Ивану Андреевичу Крылову, почитая его сочинителем оных. И хотя на стихах подписано было в конце одно К., яко первоначальная литера фамилии, а после точки, но Шишков, убедясь, что их писал Крылов, велел напечатать, поставя «Иван Крылов». В то-же время Александр Семенович Хвостов написал баснотворцу дистих:

Немудрено, что так Крылов умно сказал,
Дивлюсь, что он своей рукой то написал.

Баснотворец, получа все сии похвалы и печатные стихи, молчал о них всю страстную неделю. Но Иван Иванович Дмитриев и другие стали говорить, что стихи дурны. Крылов стал сердиться, браниться, от стихов отпираться, сперва словесно, потом письменно и посылал во все журналы ругательства на сочинителя стихов. Не знаю, напечатано ли сие отпирательство, но думаю, что Крылов дурно делал, возобновляя непростительную надменность певца Фелицы. Один есть бог, один Державин.

Выше сказано, что в оригинальных стихах имя Кайсарова поставлено в конце одно К. с точками; дурно сделал Шишков, что напечатал стихи не так, как от автора было прислано, прибавя «Иван Крылов». Но сей поэт еще хуже, ибо какое право баснотворец имеет думать, что один на свете Иван и один Крылов.

121. Вот и со мною приключение. Дмитрий Васильевич Дашков, известный антагонист Шишкова, знакомый мне по дому Ивана Ивановича Дмитриева и служащий в том же департаменте экзекутором, где я сенатором, кроме вежливости и ласки от меня ничего не видал, приносит мне от г-на Измайлова, писавшего на меня прежде пасквили, которых я не читывал, официальное, как от президента, письмо, что я избран в почетные члены Общества любителей словесности. Я приезжаю в собрание, после которого, думая меня рассердить или считая, что я похвалу его приму за наличные деньги, Дашков стал заикаться и читать, что я великий человек, что я потоптал Горация и Лафонтена. Я после чтения улыбнулся и сказал, что сии похвалы мне не принадлежат; потом, приглася к себе г-на Дашкова, помыл ему в прозе голову. Вот чем кончилась с моей стороны непростительная шутка г-на Дашкова. Но Общество иначе на сие посмотрело и выключило Дашкова за дерзкий его поступок.

Урожай на стихи по случаю воззвания на ополчение против французов Неведомского, Соларева и пр. пр. — Лучшее в сем роде суть «Глас патриота» Милонова, но и тут при малом огне много несообразностей, как то «воротить невозвратимую», «враги в прах лягут костями».

Из прозаических лучшие из всех бумаг начальства и приказов военачальника, оглашение синода и письмо сенатора «Болунина?» к поселянам. Сие последнее принимается в виде низкого слога, пристойного простолюдинам.

Известный Коцебу приехал в Санкт Петербург, а г-жа Сталь в Москву, она обедала с Карамзиным у графа Растопчина.

122. Августа 1-е число. Похваляют очень речь Платона Петровича Бекетова, читанную и напечатанную в издании Московского Исторического общества.

123. Известный Патрикеич [*зачеркнуто*: Ямщиков], написав для театра гаерскую, что под качелями, драму, принес ее к графу Аркадию Ив. Моркову, который был болен и у которого случился лейб-медик Роджерсон. Драма начиналася следующими стихами:

Послушайте, друзья, какой я видел сон.
Его не может знать и доктор Роджерсон.

Лейб-медик вслушался в свое имя и, узнав для какого театра драма изготовлена и каким стихотворцем, подарил деньголюбивому певцу пятьсот рублей с тем, чтобы он его имя вымарал.

124. Дмитрий Самозванец в трагедии Сумарокова говорит князю Галицкому:

Ты князь, князь Галицкий и отрасль Константина,
Однако, предо мной ты тень и паутина.

Правда, что сии стихи вошли в поговорку, но в насмешливую. Если бы последний стих был так же удачно выражен, как первый, то были бы они образец высокого. Мысль прекрасная. Противоположение надменности против равного себе выдержано хорошо, но подлые для трагедии слова: однако, тень и паутина обезображивают весь период; итак, чтобы слыть превосходным, надобно при даре уметь писать.

Известная г-жа Сталь, автор романа Дельфины и других, по приезде в Санкт Петербург обедала у канцлера гр. Румянцева. За десертом был подан сервиз, подаренный ему от Наполеона. Она, любуясь тарелкою, на которой был ястреб с надписью *Roi des vautours* — сказала ему: Вы, граф, получили это *du vautour des Rois*.

125. В «Вестнике Европы» сего года № 12 весьма хорошее рассуждение о Ломоносове, прекрасно писанное, г-на Каченовского.

Тут же в № 13 письмо из Филадельфии от нашего надворного советника П. П. Свинына, находящегося при миссии, к А. Ф. Лабзину, в коем между прочим любопытный анекдот о князе Голицыне, который там католическим священником, и при письме описание о ловле трески.

Предполагаю я к сему г-ну Свиныну написать стихом письмо, кое должно основать на контрастах: я на Севере, он на Юге, я поэт, он живописец, я здесь в недрах искусств, он — природы.

126. В «Санкт-Петербургском Вестнике» № 6, июнь месяц, достойны внимания сатирический разговор Тацита с рецензентом о переводе Поспелова, увы, члена Российской Академии; 2-е — окончание опыта о русском стихосложении Востокова и 3-е — его же разбор введения в науку стихотворства г-на Язвицкого, где любопытно сказано о Тредиаковском.

127. Г-н Хмельницкий, говоря о немецкой трагедии «Мария Стюарт», в ноте пишет: «Аскольд, забыв, что его можно видеть и слышать, приводит в чертоги Олега своих воинов и уговаривается с ними, как бы лишить его престола». Критика сия не основательна. Это вина «чулочных» театров наших, а не автора. Гермiona то же делает, и тьма на сие примеров. Притом история скажет, что все бунты на царей происходят по большей части от ближних к ним и в их чертогах. Тут невероятности нет.

128. Князь М. Л. Голенищев-Кутузов, находясь в театре, когда давали «Дмитрия Донского», при стихе «Россия спасена» (в оригинале стих-от нехорош, ибо «Россия освобождена» — сие тупо и ничего не значит), громким восклицанием и рукоплесканием изъявил свое чувство. Через неделю после того он назначен был начальником всех наших сил против Наполеона. Когда вышла моя ода на мир с турками, многие советовали мне ее не печатать, зная, что Кутузов в упадке, но я никого не послушался и был столько счастлив, что предварил мнение публики, а публика восхитила мнение правительства, и Кутузова послали против непобедимого Голиафа.

129. Я сочинил оду на мир с Англиею, в коей смелые идеи о ввозе к нам сукон, о патриотизме русских, *levée en masse* и портрет Наполеона. Ода сия так полюбилась английскому пастору д-ру Питту, что он ее переложил в английские стихи.

130. После успенского поста, в который театр всегда закрывается, 16 августа дан был «Дмитрий Донской». Стечение зрителей было бесчисленное, между прочим англи-

ский миротворец адмирал Бенкен и известная г-жа Сталь. После трагедии несчастный Щеников (смотри «Цветник») вышел объявлять для завтра Расинову оригинальную «Федру», но при первых словах «Завтра французские актеры» стали бить в ладоши, кричат «русскую, русскую и пр». Объявитель смешался, но дирекция устояла: 17-го давали французскую «Федру». Зрителей было немного и все кончилось тихо.

131. Часто клепят сочинители с кражею идеей друг у друга, но мне кажется, что иногда кража сия невольная, то есть не умышленная. Разве два умные и просвещенные человека, думая об одном, не могут иметь одной мысли? В искусствах судим бывает и торжествует дар, а ум может быть отделенно дара свойственен многим. Вольтер говорит, что идеи, мысли голые те же у Прудона (в Федре), что у Расина, но, прибавляет он, как у обоих сказано. Вот еще пример и доказательство. — Г-н Делиль в дифирамбе своем о бессмертии души говорит:

Que la terre est petite à qui la voit des cieux. Князь Горчаков, смотри «Бессмертие», 1-я книжка Беседы:

Но мир с сокровищами ему (духу) своими мал.

Я в оде «Человек»:

Хотя пути довольств открыты,
Желанья внутренни не сыты
И тесен для души сей свет.

После этого спрашиваю, кто у кого украл, и в разрешение, что мысль у обоих встретилась одна, скажу, что мои оды напечатаны 1800-го года, а Делилев дифирамб 1802.

133. Эпиграмма. В трагедии Г. Р. Державина, кою долго в цензуре держали по причине сходства Батыя с Наполеоном, героиня из терема падает. Злословцы сочинили эпиграмму еще до представления:

Приятель мне сказал: Евпраксию давали.
Я был и видел все, я видел, как играли,
Я видел, как Батый вздымал высоко бровь,
Я видел, как ему платили за любовь,
Я видел, как его страсть сильная терзала,
Я видел на конец Евпраксия упала.

Вторая на то же:

Трагедию его я не видал сначала,
Я видел только как Евпраксия упала.

134. Ивану Аф. Дмитревскому, 80-летнему российскому актеру, вновь явившемуся на сцене 1812 года августа 30 дня в героическом представлении Степана Ив. Висковатова, называемом «Всеобщее ополчение».

Все ополчаются, росс каждый в бой летит,
Цветущей юностью у старцев кровь кипит.
Являя на главе и снег и лавр зеленый,
Наш Гарик говорит: О сердцу глас священный
Я росс, спокойствия оставя мирну тень,
Я ополчаюсь вновь в александров день.

135. 30 августа поутру получено известие от 27 того же месяца о славной одержанной русскими войсками победе под Можайском. Князь Кутузов пожалован фельдмаршалом и 100 000 рублей денег, жена штатс-дама, каждому рядовому по 5 рублей. Сие, совокупно с духовным и торжественным праздником, расположило умы и сердца к веселию, ввечеру стечение зрителей было чрезмерное, сбор в маленьком театре простирался до 1800 рублей. Все приноровили к обстоятельствам, как то Отечество, Русский воин, За царя и пр. и пр. Все было рукоплескаемо и превозносимо до небес. Фанатизм публики похвален, но фанатизм сей более прочен, когда утверждается на основательных разуму и вкусу свойственных доводах, а не побуждениях минутных, производимых словами, каждому благорожденному сердцу священными.

Писею г-на Висковатова не только любослов, но и просто сведущий человек не может быть доволен. Отняв у нее вышеописанные слова, сходствием с обстоятельствами поразительные, все отыметь. Явление в 1-м действии мужика и писаря хорошо и искусно введено. Второй акт весь лишний и очень скучен. Лицо бригадирши не смешно, ни жалко, а просто глупо. Пускай сочинитель обойдет все ложи, креслы и большую часть партера, чтобы удостовериться, что очень многие согласуются в образе мысли с его бригадиршею о браке ее племянницы. Зачем осмеивать то, на чем утверждаются все союзы обществ: спросите у автора по совести, отдаст ли он сестрицу свою за Храброна? Что за выскочка Храброн? Храбр. — Не все ли таковы русские? Добродетелен, но добродетель озаряется и украшается воспитанием. Где его подвиги неслыханные, о них умолчано. Сказывают, что состав сего представления взят с немецкого. Коцебу сие позволительно. Мы видим, что у них делается. Но русскому стыдно ругаться над тем, что ограждает благоденствие знаменитой части народа. Неужели хотят нам проповедывать, чтобы отдавать дочерей наших в замужество за сыновей собственных наших рабов? Что к сему понудило? Ленъ вымыслить завязку, сходную с нравами нашими.

Молва всеместно говорит, что славный наш атаман Матвей Иванович Платов будто бы объявил, что кто ему принесет злодея голову, хотя бы простой казак, то он ему дарит 100 000 рублей и отдает в замужество дочь. Вот завязка и завязка высокая, достойная Корнелия и русского народа. Причиною брака выставь жертву за отечество. Тут и Храброн хорош. Храброн пусть сын будет мужика Платова, но воспитай его, сделай любовь взаимную и по совершению подвига развяжи как теперь. Фамилия офицера Храбров, а бригадирша говорит: «я, батюшка, читала фамилии от Рюрика, а твоей не прогневайся (Храбровых) в дворянстве нет». Хорошее благородному сословию приветствие! — Заключим сие прекрасным замечанием Ал. Сем. Хвостова, который говорит, что отыми имя государя, то сия пьеса понравится на яacobинском театре среди возмущения парнасского, ибо защищает чернь, а бранит дворянство.

137. 1-е сентября. Празднество в Академии Художеств. Выставка суть принятого сегодня в члены Ореста Адамовича Кипренского, славные достойные Вандика портреты Давыдова, князя И. Ал. Гагарина и Кусова. 2-е. Портрет вдовствующей императрицы в аллегорической картине, представляющей милосердие с солнцем на груди и окруженной детьми. 3-е. Рисунок нового театра г-на Мельникова. — 4-е. Пожертвование Минина. 5-е. Благословляющие крестьяне сыновей на ополчение.

138. 2-го сентября войски Наполеоновы вступили в Москву. Оставляя суждение о сем военным людям и дипломатам, скажу только, что мой Кутузов Фабий не очень на свое копие возлегал для сохранения Матери градов. Сие отступление после знаменитой при Бородине победы так скоро последовало, что не дало времени оною порадоваться. Известие о победе пришло в Петрополь 30-го августа. К 6-му сентября я написал на сию победу оду, но выдать ее мне было нельзя, ибо слухи о занятии Москвы французами пошли

7-го сентября. Итак, завладение Москвою лишает меня каменного в ней дома и моей оды. Сия последняя не была, как высказано, напечатана. Следственно, я и не могу знать о ней суждение любословов и потому должен сделать собственно свое. Кроме избранных слов, что есть именно *affaire de style*, я в ней нахожу более лирического духа нежели во многих сочинениях моих в сем роде. Эпизод змия мне кажется удачным вымыслом.

139. 28-го октября представляли трагедию покойного Хераскова. Одно название «Освобожденная Москва» привлекло множество народа и произвело беспрестанное рукоплесканье. Но едва ли название сие прилично нынешнему обстоятельству Москвы. Правда, что поляки были в Москве, так, как и французы. Правда, что и тогда были пожары и частные злодейства. Но наружно поляки притворяли себя нашими союзниками, желая сломить бояр и народ на избрание королевича их в цари наши. Пожарский и русские, возгнушавшись сим предложением, спасли Москву, изгнав из нее силою поляков. Но теперь спасена ли Москва, я не знаю. По мнению моему, Кутузов не Пожарский. Москва ныне обругана, сожжена, разграблена и сам Кремль злым завоевателем при выходе его поднят на воздух. Какое же отношение может быть Херасковой трагедии к нынешнему обстоятельству Москвы? Но публика не меньше, видя трагедию, рукоплескала, восхищалась и плакала. Впрочем, это хорошо, ибо публика не мудрец, не глубокий политик и не историк.

Что же касается до трагедии, она сама по себе, без отношения к случаю, не заслуживает большого внимания. Писана гладко, есть стихи прекрасные и даже удачные явления. Характер Пожарского хорош. Но портит все смесь страсти любовной с любовью к отечеству. Содержание все нелепо. Желковский, Вьянко и сама Софья вводные лица и оттого холодны. Троица мертвых на театре непростительно и делает конец не просто холодным, но смешным. Словом, в сей трагедии недостатков много, но она не хуже «Донского», который ее сколок и который, вообще говоря, не так чисто писан.

140. «Ночь на гробах» кн. Шихматова. Видно, что песнопевец знает свой язык, но и только. Сочинение все составлено из общих мест, без вымысла, огня и живописи. Дикословия пропасть, но есть, хотя редко, прекрасные стихи:

Почто отчаянью столь пышный создан дом.

В седьмой книжке чтения Беседы 2-я песнь шуточной поэмы кн. А. А. Шаховского и «Беседы» кн. Горчакова лучшие пиесы. Много остроты и писано гладко. Гонители мои, сравните их с моими письмами к Гнедичу, Стамбулову и тому, где Обжоркин.

141. Поэма эпическая «Петриада» сочинение А. Грузинцова в 10-ти песнях. Поэмы совсем нет, ибо голая история Петра Великого. Поэзии еще менее, ибо нет ни мыслей, ни огня в пере. Механизм стихов сух и тяжел. Впрочем, я виноват, только прочел половину первой песни и заснул.

142. 21-го ноября давали на театре Дмитрия Донского, который по соотношению тогдашних времен ко вторжению Наполеона в Россию, с большим принимается рукоплесканьем. Но вот какое случилось приключение. Хороший актер, по крайней мере лучший на русской сцене, но пьяный человек, Яковлев, пил запоем более недели, но за два дни перед зрелищем вырезвился. От отошения ли или от чего другого, после 2-х действий он упал без памяти. Зрелище тем прекратилось, а его принуждены были оттирать, пустить кровь и так повезли домой, что он в память еще не пришел.

143. По представлению министерского комитета группа французская, трагедия, комедия, опера отпущены, а сумма, на них издерживаемая, по высочайшей воле обращена на вспоможение разоренных от неприятеля.

144. Сумасбродный, но по счастью его много именитый Наполеон, по выходе его уже из Москвы, будучи тесним войсками нашими и хотя предвидел, что сильно его гонят

из России, но пожаловал маршалу своему Нею титул герцога Можайского. Вот на сие эпиграмма, которую приписывают Ив. Андр. Крылову:

Французский маршал Ней
Можайским князем возвеличен.
Сей город был давно отличен
Породою больших свиней.

145. Павла Юрьевича Львова, известного худого прозаика, правительство отыскивало для предания суду. Вот эпиграмма:

От Фемидина собора
Всюду ищут прокурора.
Как его найти? Скрылся на Парнас.
Дал ему свою царь шапочку Мидас.

146. Вот эпиграмма, чья — не знаю, прекрасна:

Наполеон все царства поглощал
И век бы их глотать не утомился.
Но отчего ж он перестал?
Безделица — Россией подавился.

В начале 1813 года, за отсутствием Ник. Сем. Мордвинова, избран попечителем Беседы С. Кузьмич Вязмитинов.

⟨1813 г.⟩

147. Апреля 29-го 1813 года давали трагедию «Царь Эдип» г-на Грузинцова, которую я в первый раз видел. Трагедия сия имела большой успех и всякий раз приносит большое удовольствие. Можно ручаться, что сей успех продолжится до тех пор, пока мы собственно иметь не будем своих Софоклов, Корнельев, Расинов и подобных. Трагедия сия нравится и будет всегда нравиться везде, как и у нас, от богатого содержания и высоты мыслей. В ней г-н Грузинцов не участвует, ибо расположение все из сцены в сцену Софоклово. Его собственность только русские стихи, которые очень плоски, сухи и неправильны. Вот новое доказательство для возражения на Буало, что

Когда язык нечист, божественный певец
Останется всегда посредственный писец.

Неправда. Язык г-на Грузинцова очень нечист и не сладок, а трагедия «Царь Эдип» его, как выше сказано, всегда будет приниматься с похвалою за искусство плана Софоклова и богатство мыслей.

148. Рескрипт императора 10-го мая ко вдове кн. Смоленского богат мыслями и хорошо написан. В нем достоинство покойного Фабия кн. Мих. Лар. Голенищева-Кутузова сильно выражено. Обещание воздвигнуть монумент и пр. Сие письмо напечатано в «Сыне Отечества» и везде. Мое двустипшие на его смерть, приписанное родному племяннику его П. Ив. Голенищеву-Кутузову, многим очень нравится, так что хотят под его бюст приписывать:

Не верь молве, что век Смоленского погас.
Тот жив, бессмертен тот, отечество кто спас.

Напечатано в «Сыне Отечества» № 20, в «Инвалиде» под древним общим именованьем эпиграмма, в «Вестнике Европы» под № 7 и 8. У многих табакерки, где последний стих напечатан. NB. Сей рескрипт важен, от лица государя, но узнав, что писал его родственник, одолженный приверженностью, выходит, что в оном заключаются не чувства, а риторика.

149. Медаль Лебрехта на приобретение новой Финляндии — Реверс, благотворение венчается победою.

150. 2-го июня 1813 года я обедал у гр. Сергея Ник. Салтыкова. Жена его прекрасна. У ней живет девица Сафонова собою прелестная, я им сделал четверостишие:

Я просто и стихов не наблюдая меры,
Хочу Сафонову красавицей назвать;
Все то же думают, не смеют лишь сказать,
Что Грация должна быть спутницей Венеры.

151. В напечатанном письме моем «К моему живописцу», желая выразить о непрочности при жизни славы, сказал сам о себе:

Напрасно мне, когда Парнас, утесист, скаток,
Потомству отдавать лицо свое в задаток.

Сие изречение некто обратил в эпиграмму на Наполеона. Вот она. Статуя сего изверга природы, в рост, белого мрамора, работы искусного известного господина Канова, привезена из Гамбурга. Она там стояла в сенате, который по занятии сего города русскими подарил ее гр. Витгенштейну. Теперь она в Петрополе.

Смотрите, как здесь бодр злой корс Наполеон.
В Египте испытав, что холм у славы скаток,
Напрасно он
Потомству отдавал лицо свое в задаток.

152. 2-го июля получил я в подарок при письме от 9-го июня из Владимира от известного г-на Тончи в знак памяти рисунок, изображающий рождение Минервы из головы Юпитера, с фигурой Меркурия и Юноны. Тайственный смысл его тот, что премудрость человеческая происходит от бога и служит для усмирения страстей, как то в лице Меркурия воровства, в лице Юноны сластолюбия.

153. 6-го июля в Сарском Селе в присутствии императриц Елизаветы и Марии, принцесс Вюртембергской и Баденской Амалии, великих князей Российских Николая и Михаила, при стечении многочисленного народа и некоторых знатных особ, на площади в городе Софии происходило торжественное освящение по обряду западной церкви знамен для гишпанского полку называемого императора Александра. Сей полк, под наблюдением военного министра кн. Горчакова, состоящий из 2000 человек гишпанцев и португальцев, собран из пленных, Россиею сделанных в кампанию поход 1812 года французов на Россию.

Г-н посол гишпанской Азара-Бардахи говорил прекрасную, трогательную и славную речь, в коей отпочтевал Наполеона, как и при присяге, *maudit, impie, horrible* и пр., смотри «Сын Отечества».

По отъезде двора знаменитые Российские и иностранные посетители были угощаемы в саду на счет гишпанского посла в галлерее, называемой адмиралтейство, столом на 100 кувертов. Пили много здорьев, до 20, а в заключение мучною водою торжественно смерть Наполеона,

Сколько встречается пищи для размышления. Бедный, еще не царствующий король Фердинанд VII в заключении в Париже. На севере воздаются ему королевские почести, преклонение знамен и пр. Он про то едва ли когда сведает. Верный и твердый гишпанский народ за свободу свою и его искупление 6 лет воюет. Сильная Российская держава всех гишпанских пленных собирает воедино до 2000 человек, питает, вооружает, образует их и отправляет на защиту из отечества против общего врага. Вот свеженькая добыча для гистории.

154. Того же числа надворный советник Николай Михайлович Логинов, находящийся при императрице Елизавете Алексеевне, по просьбе моей, обещал выписать из Лондона копию с портрета Суворова, имеющегося оригиналом у графа Сем. Ром. Воронцова. [*Письма другой рукой*: Портрет сей до смерти находился в спальне певца Кубры.]

155. Письмо Федора Петровича Львова в прозе и стихах под именем Скимнина. Стихи никуда не годятся, плоски, холодны и жеманны, большею частью не что иное, как проза с рифмами. Проза получше, но весьма далека от приятности и заманчивости своего подлинника, то есть Карамзина, хотя представляет те же, какие в нем недостатки.

156. Еще сказывают, что Филарету, известному проповеднику, прислан орден Владимира второй степени. Большое отличие. Неужели за надгробное слово кн. Кутузову-Смоленскому? Витийственное произведение есть творение очень второстепенное в своем роде, так что сотня попов в России в состоянии подобное написать. Оно ниже содержания своего и недостойно славного вождя, о коем проповедует. К чему уподобление с Маккавеем? Уж непристойно и потому, что по смерти Маккавея царство Иудейское пало. — Логин Ив. Голенищев-Кутузов руководствовал проповедником. Жаль, что сей последний не воспользовался начертаниями первого.

157. В «Сыне Отечества» № 36, 1813 года Сентября, статья 1-я «Письма из Москвы в Нижний», письмо 2-е, на странице 129 и последующих самая развратная мысль, разрушающая религию и связи общественные. Впрочем, писано хорошо, есть новые сильные слова, как то «черепословный». Мысль о фабриканте остра, слог кроме некоторых низких выражений, приличный и славный. [*Письма другой рукой*: Сии письма сочинения сенатора Муравьева-Апостола.]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Габлиц (Hablitz, Карл-Людвиг Иванович, 1752—1821), естествоиспытатель, впоследствии сенатор, вице-губернатор в Крыму (1783 г.), главный директор государственных лесов, автор «Физического описания Таврической области» (1785 г.), «Географических известий, служащих к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии... с тремя картами» (1803 г.) и других работ на русском и немецком языках.
2. Бунина, Анна Петровна (1774—1828), поэтесса, почетный член «Беседы». Элементы классицизма в произведениях Буниной смешиваются с сентиментальными нотами. Пушкин в «Послании цензору» (1822) отмечал равнодушие читателей к ее стихам.

- Свою поэму «Падение Фаэтона» Бунина напечатала в 1812 г. во второй части сборника «Неопытная муза». В обширном (80—98 стр.) предисловии она отводит все поправки, сделанные при чтении «Фаэтона» в «Беседе», и отвергает предложенные ей варианты отдельных строк. Стихотворение «О суете» не было напечатано ни в собраниях ее стихов, ни в «Чтении в Беседе люб. русск. слова».
3. В № 12 «Цветника» на стр. 468—476 за подписью А. А. помещен иронический разбор «Послания к любезному моему брату кн. Михаилу Александровичу, 1810 г., месяц сепень» — кн. Шихматова, а в заключение выписаны «странные слова и выражения» из поэмы его «Петр Великий». Батюшков

- в письме Гнедичу (6 мая 1811, Сочинения, 1886, т. 3, стр. 123) назвал эту рецензию «истинно смешною»; Хвостов совпадает с ним в оценке (см. заметку № 40).
4. Хвостов излагает здесь организационную структуру «Беседы». Так же изложена она и в «Предупреждении» к «Чтению в Беседе люб. русск. слова», кн. 1, 1811 г., с той разницей, что должностным называется разряд, вступивший в свою очередь ежемесячного чтения, а не член Беседы.
- «Письмо к... о пользе словесности» Хвостова помещено в 4-й части «Сочинений и переводов, издаваемых Росс. Академией», 1810 г.
5. Висковатов, Степ. Ив. (1786—1831?), драматург. Он переводил и переделывал трагедии Шекспира, пользуясь не подлинником, а переработкой Дюси (1733—1816). Так был «переделан» им и «Гамлет», изданный в 1810 и 1829 гг. Новый перевод Н. А. Полевого появился только в 1839 г. 28 ноября 1810 г., на премьере Гамлета играл Яковлев, Гертруду Каратыгина, Офелию Семенова. Говоря о подражании Софоклу, Хвостов имеет в виду мотив убийства матери, проходящий в трагедии «Электра». Рецензию на постановку «Гамлета» см. в № 24 «Вестн. Европы», 1811 г., стр. 324—325.
7. Остолопов, Ник. Фед. (1782—1833), литератор, в 1808—1812 гг. был вологодским губернским прокурором. В «Вестн. Европы», № 22, ноябрь 1810 г., помещено его стихотворение «Аполлонова шутка», посвященное И. И. Дмитриеву, за подписью «О.....», с пометкой «Из Вологды».
8. Рецензия В. А. Жуковского на перевод Висковатовым трагедии Кребильона «Радамист и Зенобия» (СПб., 1810) кончается выводом: «Радамист ждет еще искусного переводчика» («Вестн. Европы», 1810, № 22, стр. 102—120).
9. Соколов Петр Иванович (1764—1836), неприменный секретарь Российской Академии с 1802 г. до своей смерти, участник «Беседы». Составил российскую грамматику, переведил из Гомера, Овидия и др.
- О Буниной см. прим. 2.
10. Анастасевич, Вас. Григ. (1775—1845), переводчик и библиограф, в 1811—1812 гг. издавал ежемесячный журнал «Улей». Его перевода «Освобожденного Иерусалима» не сохранилось. «Стихотворения Сафы», «Слава прекрасного пола», перев. с польского, и «Прогулка девицы М. Кр.» изданы в 1808 г., «Федра» в 1805 г.
- Перевод Державиным «Федры», окончанный им в 1809 г. и выполненный по подстрочнику Елиз. Ник. Львовой, остался ненапечатанным. Отрывок из 5 действия, под заглавием «Рассказ Терамена» появился в «Чтении в Беседе люб. русск. слова», кн. 3, 1811 г.
- Перевод «Федры» Алексея Мих. Пушкина, сделанный им в 1809 г., также не был напечатан. Сведения о нем см. «Русск. Архив», 1867 г., ст. 1080, соч. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 176.
- Остальные упоминаемые Хвостовым переводы изданы: Тучкова, С. в 1816 г., Лобанова, М. в 1823 г., Окулова в 1824 г., Чесловского, И. в 1827 г. — все в Петербурге. В Москве в 1821 г. вышел анонимный перевод «Федры» (Смирдин, № 6974).
11. «Андромаха», трагедия Расина в 5 действиях, в стихах, была переведена Хвостовым в 1791 г. и напечатана в 1794 г. 900 экземпляров издания автор принес в дар Российской Академии. В 1808 г., как указывает Сопиков, 836 экз. Академический комитет продал на вес. Несмотря на это, Хвостов выпустил еще 4 издания «Андромахи» в 1811, 1816, 1821 и 1829 гг. Впервые «Андромаха» была поставлена 16 сентября 1810 г. с Семеновой в роли Гермiony. Рецензии о спектакле с похвалой перевода и превосходной игры Семеновой были помещены в «Вестн. Европы» (1811, кн. 23), «Цветнике» (1810, № 9) и др. В 1820 г. «Андромаха» была возобновлена при участии Колосовой.
- Аллегория «Время» — одно из немногих произведений Хвостова, ненапечатанных автором. Критические высказывания членов разряда об этой аллегории находятся в «Бумагах Державина», хранящихся в Гос. Публ. библ., т. XXVI.
12. Станевич, Евстаф. Ив. (1775—1835), писатель, директор училищ Курской губернии. В 1804 г. он выпустил «Собрание сочинений в стихах и прозе», после чего примкнул к рядам сподвижников Шишкова. В 1808 г. Станевич, отвечая на критику Каченовского, издал «Способ рассматривать книги и судить о них», «Рассуждение о русском языке». Был членом «Беседы любителей русск. слова» и подвергался ожесточенным нападкам со стороны арзамасцев. В 1818 г. Станевич выпустил свою «Беседу над гробом младенца о бессмертии души», вскоре запрещенную и конфискованную. В 1825 г. по настоянию Шишкова книга была переиздана.
13. Горчаков, кн. Дм. Петр. (1758—1824), сатирический поэт, член Российской Академии и «Беседы», служил в военной службе, потом был губернским прокурором, вице-губернатором в Костроме. С 1816 г. в от-

- ставке. В 1786—1788 гг. изданы его оперы «Калиф на час», «Счастливая тоня», «Баба Яга», в 1796 г. повесть «Пламир и Раида». Сатиры его печатались в «Памятнике отечеств. Муз», 1827 г. Большая часть произведений Горчакова осталась ненапечатанной. В 1890 г. изданы «Сочинения Горчакова» в одном томе. На собраниях «Беседы» читались его стихи «Бессмертие» («Чтение в Беседе люб. русск. слова», кн. 1) и «Беседа о суетности» (там же, кн. 7).
14. Ширинский-Шихматов, Серг. Ал. (1783—1837), кн., поэт, член «Беседы» и Росс. Академии, один из ближайших сотрудников Шишкова, автор героических эпопей «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия» (1807), «Петр Великий» (1810), подражаний Юнгу (см. прим. 145) и др.
«Песнь на победы российского воинства, одержанные под предводительством графа Каменского над силами турецкими 1810 г. декабря 2-го дня» С. Шихматова помещена в 5-й части «Сочинений и переводов, изд. Росс. Академией», 1811 г.
17. Львов, Пав. Юрьев (1770—1825), писатель, член Росс. Академии и «Беседы», автор «Храма славы российских героев» (1803), сентиментальных повестей «Розана и Любим» (1790), «Российская Памела или история Марии, добродетельной поселанки» (1794) и др. «Похвальные слова» его царю Алексею Михайловичу и Пожарскому и Минину были изданы в 1810 г.
18. В № 10 «Цветника» за 1810 г. на стр. 106—130 помещена статья Воейкова о третьем издании сочинений И. И. Дмитриева. Он относит автора к «малому кругу тех поэтов, которых называют классическими», приводит обширные цитаты из его стихов и басен, кончая свой разбор сожалением, что «государственная должность отвлекает от пиитических занятий сего знаменитого нашего писателя».
«Брань г-ну Щеникову» — заметка в разделе «Театр» в том же номере: Щеников, игравший 17 окт. 1810 г. Пирра, при втором представлении «Андромахи» вздумал поправлять стихи графа Хвостова и вместо «доводы ясны» скавал «досады ясны». Смысл заметки — актеры не должны переиначивать авторский текст.
19. Собрание сочинений и переводов Ипполита Богдановича, собрано и издано Платоном Бекетовым, 6 частей, М., 1810. Это первое издание сочинений Богдановича.
20. В «Немецких ученых ведомостях» («Allgemeine Litteratur Zeitung»), № 335 от 5 декабря 1810 г., между известиями о русских книгах, помещена похвальная статья о сборнике Д. И. Хвостова «Лирические творения», СПб., 1810 г. Анастасевич перепечатал ее в № 1 «Улья», стр. 32—35, «порадовавшись» «засвидетельствованию должной справедливости» поэту-администратору Д. И. Хвостову.
Стихотворение Хвостова «О пользе критики» см. «Собрание стихотворений», 1829 г., т. II, стр. 346 и сл.
- В № 2 «Улья» 1811 г. приведена библиография произведений Д. И. Хвостова, изданных отдельно, напечатанных в периодических изданиях и хранящихся в рукописях. К последним отнесены комедии «Легковерный», «Любовь и брак», «Мужья и брак», «Мужья и любовники», перевод «Ифигении» Расина и статья «О российской словесности и о пользе разбора и критики».
21. О пожаре Большого театра в ночь на 1 января 1811 г. см. подробное описание в № 4 «Моск. ведомостей» 1811 г., а также у Арапова в «Летописи русск. театра», 1861, стр. 207—208.
22. Милонов, Мих. Вас. (1792—1821), поэт, член «Беседы люб. русск. слова». Воспитывался в Благородном пансионе при Московском университете, служил в министерстве юстиции под покровительством И. И. Дмитриева, в провиантском департаменте. Стихотворения Милонова печатались в «Утренней Заре», «СПб. Вестнике», «Цветнике», «Вестн. Европы» и др. Собраны под заглав. «Сатиры, послания и др. мелкие стихотворения» (СПб., 1819). С цензурными урезками перепечатано Смирдиным в 1849 г. Известна сатира Милонова «К Рубеллию», которая казалась современникам направленной против Аракчеева. Послание к Буниной под заглавием «О приличии стихотворства прекрасному полу» напечатано в «Цветнике», 1810, № 11, за полной подписью.
24. «Аглая» — журнал, издававшийся ежемесячно в Москве П. И. Шаликовым в 1808—1810 и 1812 гг. «Цветник» — ежемесячный журнал, в 1809—1910 гг. издававшийся в Петербурге А. Е. Измайловым и А. П. Бенитцким. В 1810 г. последнего заменил П. А. Никольский.
25. См. прим. 22.
27. Толмачев, Як. Вас. (1780 — ?), воспитанник и с 1803 г. преподаватель Харьковского коллегиума. С 1809 г. учитель риторики и математики в С.-Петербургской духовной семинарии, впоследствии профессор русской словесности С.-Петербургского университета. Автор ряда учебников и трудов «Правила словесности» (1813), «Краткий обзор

- греческой и латинской словесности» (1817) и др. Ода Хвостова на столетие сената «Законы» вышла отдельным изданием в 1811 г.
28. Марин, Серг. Никиф. (1775—1813), гвардейский офицер, поэт, автор сатир и шуточных стихотворений, член «Беседы люб. русск. слова». Сведения о нем и библиографию см. в заметке В. И. Сайтова (Сочинения К. Н. Батюшкова, 1886, т. III, стр. 666—667). Большая часть стихотворений Марина остается неизданной. Хвостов, очевидно, имеет в виду сатирическое письмо Марина: «М. М. Здравия желает. Приятно говорить, имея дарованье...», в котором есть строки о Карамзине «Пускай наш Ахалкин стремится в новый путь» и т. д. Письмо это напечатано в 3-й кн. «Чтения в Беседе люб. русск. слова.», 1811 г., стр. 120—126.
- О Горчакове см. прим. 13.
- Моцениго, граф Георг. Дмитр., дипломат. Был посланником во Флоренции. Турине и др. В 1811 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сардинии.
33. «Ариадна» («Ariane»), трагедия Тома Корнеля (Thomas Corneille, 1625—1709), написанная им в 1672 г. и тогда же появившаяся на сцене. В переводе П. А. Катенина «Ариадна» была поставлена на сцене в петербургском театре 3 февраля 1811 г. Перевод этот издан не был.
35. В декабре 1810 г. Державин приглашал Гнедича к участию в «Беседе». Не удовлетворившись предоставляемым ему званием сотрудника, а не члена, и 9-м местом в списке 2 разряда, Гнедич отказался от приглашения, вызвав раздражение Державина. О конфликте, возникшем между ними в доме Голицына, было известно из письма Гнедича к Капнисту (соч. Державина, т. VIII, стр. 909). Заметка Хвостова сообщает дату ссоры и «ультиматум» Державина. Вскоре Гнедич помирился с Державиным и читал в «Беседе» свои переводы Илиады.
36. В 1810—1811 гг. Жуковский издал в Москве «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» в 5 частях. Издание это вызвало недовольство многих авторов, чьи произведения не попали в Собрание. Нет в нем и стихов Хвостова. В 1815 г. Кавелин издал шестую часть «Собрания», дополняющую работу Жуковского.
37. «Рассуждение о лирической поэзии» Державина было напечатано в «Чтениях в Беседе люб. русск. слова» (кн. 2 и 6 за 1811 г. и кн. 13 за 1815 г.). Вторая часть его остается неизданной и находится в бумагах Державина, хранящихся в Гос. Публ. библ.
- Указание Хвостова на то, что «Рассуждение» заимствовано из Батте и немецких эстетик, вполне основательно. Теоретические высказывания Державина, уснащенные громадным количеством цитат, интересны только как попытка великого поэта разобратся в основах поэтики оды и ее «украшениях». О бардах Державин говорит на стр. 13, «пророк вдохновенный (vates)» упоминается на стр. 93. Остальные цитаты приводятся Хвостовым точно по книжке «Беседы».
- Галенковский, Яков Андр. (1777—1815), чиновник, литератор, член «Беседы люб. русск. слова». Ему принадлежат сочинения: «Часы задумчивости», «Новый роман, изображающий мысли влюбленного человека» (1799), «Красота Стерна», перев. с англ. (1801), «Утренник прекрасного пола» (1807), журнал «Корифей или ключ литературы» (СПб., 1802—1807), «Песнь дифирамбическая» на вступление в Париж (1814) и др.
- Лабзин, Ал-др Фед. (1766—1825), писатель, вице-президент Ак. художеств; автор многих книг мистического содержания, видный участник библейского общества.
- О Яввицком см. прим. 111.
38. Статья называется «О воспитании женского пола в России», направлена против иностранного воспитания и содержит предложение учредить особое училище для приготовления домашних наставниц («Улей», № 3, 1811).
40. «Критика на перевод 2 статей из Лагарпа» в «Цветнике», 1810 г., т. IV, стр. 256—303 и 404—467, — это известная рецензия Д. В. Дашкова на перевод Лагарпа А. С. Шишковым с его примечаниями, напечатанный во 2-й части «Записок Адмиралтейского департамента», 1808 г.
- О поэме Шихматова см. прим. 3.
41. 9 июня 1811 г. в Москве происходил праздник каруселя — инсценировка рыцарских турниров, — пышно и богато обставленный. В. Л. Пушкин тогда же издал брошюру «О каруселях», сообщавшую исторические сведения о турнирах и каруселях и жестоко раскритикованную Каченовским («Вестн. Европы», 1811, ч. LVIII, № 16).
43. Статья П. Плетнева «Разбор оды Петрова Н. С. Мордвинову, писанной 1796 года» напечатана в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», № 3, за 1824 год.
47. Левек (Levesque, Piège-Ch., 1736—1812), французский историк. По рекомендации Дидро в 1773 г. был приглашен Екате-

риной II для преподавания в кадетском корпусе в С.-Петербурге. По возвращении во Францию в 1780 г., издал «Histoire de Russie», переведенную на русский язык и вышедшую в С.-Петербурге в 1787 г. Леваку принадлежит «Histoire de France sous les cinq premiers Valois» (1787, 4 v.), «Histoire critique de la République romaine» (1807, 3 v.) и др. Знакомство с Хвостовым относится ко времени пребывания Левака в России.

50. Все эти произведения составили вторую (№ 11) книжку «Чтения в Беседе люб. русс. слова», 1811 г.

О Муравьеве, И. М. см. прим. 110.

51. В «Улье», 1811, № 4, за подписью «.....нъ» помещена хвалебная статья «Письмо к приятелю о переводе Андромахи гр. Хвостовым», в которой автор заявляет, что «удачные графа Хвостова стихи не только не уступают подлиннику, но часто превосходят его». Библиографических указаний на отдельное издание этой статьи мы не встретили. Лыкошин, по всей вероятности, Яков Михайлович, ставший впоследствии сотрудником «Соревнователя просвещения и благотворения» и издавший книги «Друзьям моей юности» (СПб., 1817) и «Дон-Карлос» (СПб., 1821).

52. Поэма Шаховского «Расхищенные шубы» напечатана впервые в 3-й кн. «Чтений в Беседе люб. русс. слова», 1811 г. Фамилия журналиста, упоминающегося в поэме (стих. 206) в печатном тексте не Глупицкий, а Глумлинский. Вторая песнь помещена в кн. 7 за 1812 г.

Палисот или Палисо (Ch. Palissot de Montenoü, 1730—1814), французский писатель, известный в особенности нападками на энциклопедистов («Философы» 1760 г.) и сатирической поэмой о плохих стихотворцах «Дунсиада».

53. Хвостов, Ал-др Сем. (1753—1820), стихотворец и переводчик, председатель 3 разряда «Беседы» и член Росс. Академии; двоюродный брат Дм. Ив. Хвостова. По окончании академической гимназии служил в Сенате, в 1779 г. участвовал во второй турецкой войне, в 1793—1794 гг. был поверенным в делах в Константинополе (Д. И. Хвостов называл его поэтом Стамбулов), впоследствии начальник государственного заемного банка. Переводы Хвостова: комедия «Любопытные оборотни» (1770), «Андрьянка» (1773) и др.; оригинальные произведения: шуточная ода «К бессмертию», «Послания к творцу послания» (Фонвизину), многочисленные эпиграммы. Рассуждение его «О стихотвор-

стве» напечатано в «Чтениях в Беседе люб. русс. слова», 1811 г., кн. 3, 1812 г., кн. 7.

59. Стихи Ю. Лахмана «К портрету Балашова» помещены в «Улье», 1810, кн. 5, стр. 387.

Батте (Ch. Batteux, 1713—1780) автор «Cours de littérature» и других сочинений по эстетике и теории литературы. В 1806—1807 гг. в Москве вышли «Начальные правила словесности» аббата Батте, перевод с франц. с примечаниями Дм. Облеухова, 4 части; в 1808 г. — «Правила поэзии» в переводе А. Буниной.

Воронов, Дм. Иоаким. (?—1826), с 1808 г. преподаватель Александровской академии, профессор С.-Петербургской семинарии, член «С.-Петербургского общ. люб. слов.» и «Беседы». Ему принадлежат переводы «Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах», соч. Шатобриана, 2 ч., 1817 г., «Военное искусство», соч. Фридриха Великого, в песнях, 1817 г., «Творения Мармонтеля», с франц., 4 части, 1820 г., «Опыт о похвальных словах» Томаса, 2 ч., 1824 г.

Грамматин, Ник. Фед. (1786—1827), литератор. За рассуждение «О древней русской словесности» в 1809 г. получил звание магистра; был директором костромских училищ. В 1811 г. издал сборник стихотворений «Досуги» и др. Наиболее ценный труд Грамматина — перевод «Слова о полку Игореве» (1823) и критическое рассуждение о «Слове», напеч. в «Вестн. Европы», 1822, ч. V.

60. О переводе Державина см. прим. 10.
62. Статья Филатова, С. С. «О несправедливом суждении иностранных писателей касательно России» напечатана во 2 кн. «Чтения в Беседе люб. русск. слова», 1811 г. Она вызвала переписку между Державиным и Хвостовым (см. соч. Державина, т. VI, стр. 214—215).
66. Филимонов, Владимир (у Хвостова ошибочно Василий) Серг. (1787—1858), поэт, автор поэм «Обед» и «Дурацкий колпак». Библиографию его см. в статье Г. Н. Геннади, «Библиогр. зап.», 1859, № 20. Хвостов говорит о книге Филимонова «Система естественного права», изданной в СПб. в 1811 г.
67. Фукс, Егор Борис. (1762—1829), историк. Его труды: «История генералиссимуса графа Суворова Рымнинского» (СПб., 1811), «О военном красноречии» (1825), «Анекдоты гр. Суворова» (1827), «История российско-австрийской кампании 1799 г.» (1825—1830). В 1827 г. вышло его «Собрание разных сочинений».
68. См. прим. 41.
69. Вероятно, Хвостов называет так «Обозрение (систематическое) литературы в России в те-

- чение пятилетия, с 1801 по 1806 г.», соч. А. Шторха и Ф. А. Аделунга. 2 ч., СПб., 1810—1811.
73. Книга Воейкова, А. Ф., называется «Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей» (1811 г.). Амвросий, митрополит Новгородский и Санктпетербургский; до пострижения Андрей Ив. Подобедов (1724—1818). Хвостов имеет в виду поучения его, говоренные в Донском монастыре 4 октября 1771 г., при погребении московского архиепископа Амвросия Зертиса-Каменского, убитого народом во время моровой язвы, и 10 сентября 1772 г. при годовичном поминании. Первое было издано в С.-Петербурге в 1771 г., потом трижды вновь перепечатано в Москве, переведено проф. Рейхелем на немецкий язык, а впоследствии на франц. Второе «Слово на годовичное поминание Амвросия, архиеп. Моск.» вышло в 1772 г. в Москве, без обозначения года издания (Сопиков, № 10505).
74. См. прим. 37.
77. Измайлов, Ал-др Ефим. (1779—1831), баснописец и журналист, член «Вольного общ. люб. словесности, наук и художеств», в 1822—1824 гг. его председатель. Басня его «Шут в парике» напечатана в сочинениях, изданных Смирдиным в 1849 г., ч. I (с пометкой «1811 г.»). Басня «Филин и чиж», а не «Филин и соловей», как называет Хвостов, помещена во всех сборниках басен Измайлова.
78. Эпиграммы напечатаны в «Улье», август 1811 г., № 8, стр. 144, за подписью «—».
82. «Письмо к приятелю», за подписью Р. В. («Вестн. Европы», 1811, № 15).
85. Так Хвостов называет оду Ломоносова «На победу над турками и на взятие Хотина 1739 года».
87. Грузинцов, Ал-др Ник. (1799—?), литератор, драматург. Трагедия его «Эдип царь» представлена на петербургском театре 4 октября 1811 г. и напечатана тогда же и в 1812 г. Большую полемику в 1809—1811 гг. вызывала его трагедия «Электра и Орест». В 1812 г. вышла поэма Грузинцова «Петриада» (в 1817 г. второе издание), вялое произведение, за которое автор был награжден бриллиантовым перстнем и 2000 р. Грузинцов не отличался литературным талантом, но был высокого о себе мнения и рассчитывал, что заслуги его оценит потомство, что подавало повод к насмешкам современников.
89. В декабре 1810 г. Шишков в годовом собрании Росс. Академии прочел «Рассуждение о красноречии священного писания», в котором повторил все свои любимые мысли о единстве русского и славянского языков, о вреде французского воспитания и т. д. В 1811 г. он напечатал это «Рассуждение», присоединив к нему «Присовокупление», в котором заключался ответ на критику его «Перевода двух статей из Лагарпа», написанную Дашковым («Цветник», 1810, ч. VII). В свою очередь Дашков в 1811 г. издал брошюру «О легчайшем способе возражать на критики», в которой остроумно и метко высмеял Шишкова, показав его невежество и абсурдность филологических изысканий. Очередное сочинение Шишкова «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки» не внесло в спор ничего нового и было раскритиковано в «Вестн. Европы» (1811, №№ 12 и 13). Шишков, в ответ журналу, издал «Прибавление к разговорам о словесности» (СПб., 1812), прикрывшись псевдонимом «неизвестного». Критику «СПб. Вестника», по всей вероятности Дашкову, не представило труда узнать автора, а неловкий прием его дал возможность построить злой и остроумный разбор нового сочинения Шишкова (см. «СПб. Вестник», № 1, стр. 122—134).
- Послания В. Л. Пушкина к Д. В. Дашкову и В. А. Жуковскому, полемически заостренные против Шишкова, изданы брошюрой под заголовком «Два послания», СПб., 1811 г.
91. Трагедия Кребильона «Атрей и Фiest» была неудачно переведена С. Жихаревым стихами и поставлена на петербургской сцене 11 декабря 1811 г. Рукопись «Атрея» с поправками К. Н. Батюшкова хранится в Публ. библ. им. В. И. Ленина.
92. «С.-Петербургский вестник», ежемесячный журнал, изд. в 1812 г. «Вольн. обществом люб. словесности, наук и художеств».
93. В журнале «СПб. Вестник», 1812 г., № 1, за подп. «М.» помещена вторая сатира Милонова «К Лукавию», где высмеиваются плохие стихотворцы. О ней говорит Хвостов и в заметке № 101, не совсем точно цитируя. («Ему не в первый раз вступаться Цицероном» и др.)
94. В чтении 4 разряда 3 ноября 1811 г. были прослушаны «Похвала женам» И. С. Захарова, «Падение Фаэтона» А. П. Буниной, «Великодушие вельможи русского», анекдот в стихах П. И. Карabanова, басни Крылова «Синица» и «Листья и корни» и Корсакова «Стрела». Все это напечатано в кн. 4 «Чтения в Беседе люб. русск. слова» 1811 г.
95. Выступление Шишкова с «Рассуждением о любви к отечеству» перед широкой и санов-

ной аудиторией имело программный политический смысл и явилось победой «архаистов». Примечательно, что Хвостов не поддавался общему настроению и раскритиковал «рассуждение» по существу и со стороны стиля, обнаружив значительно больший кругозор, чем все его соратники по «Беседе».

97. Пospelов, Фед. Тимоф., писатель. Окончил курс в Моск. унив., служил при Державине в Петрозаводске, был советником губернского правления в С.-Петербурге. Державин любил его и переписывался с ним. Пospelов перевел Тацита историю и летопись (1805—1806, 1807), «Персидские письма» (1789 г.) и др.
99. «Наставление влюбчивому приятелю», «Вестн. Европы», 1811, № 23.
102. Кошанский, Ник. Фед. (1781—1831), доктор философии, с 1811 до 1828 г. преподаватель русской и латинской словесности в Царско-сельском лицее; ему принадлежит ряд переводов греческих и латинских авторов (см. Геннади, «Справочн. словарь», 1880, т. II). Книга, о которой говорит Хвостов, — «Цветы греческой поэзии», переводы стихов Биона и Мосха, издана в 1811 г.
103. В послании Хвостова Н. И. Гнедичу (Соч., т. III) говорится:

«Обжоркин каждый день для всех твердит одно:

Что вкусный был обед и вкусное вино»
и т. д.

Впоследствии в «Дамском журнале» (1832, № 8) Хвостов поместил стихи «в Альбом NN — Хвалителю Обжоркина». Грот (Соч. Державина, т. VI, стр. 215) склонен подозревать, что Хвостов под именем Обжоркина разумеет Крылова. Повидимому, таково было мнение современников и самого Крылова. Однако в своих «Записках» Хвостов не раз с похвалой отзывался о Крылове, а четверостишие его доказывает, что если он своим сатирическим выпадам и задел баснописца, то поспешил оправдаться и разуверить его в реальности Обжоркина.

Оправдания Хвостова вряд ли искренни: так же держался он и по отношению к задетому им в «Послании к Стамбулову» А. С. Хвостову. В VII томе «Стихотворений» (1834) Д. И. Хвостов помещает следующее надгробие «Современнику Обжоркина»:

Здесь милый хлебосол в могиле жить
остался,

Перед другими он талантом отличался,
Амура резвого, Киприды не любил;
Но ровно сорок лет он сладко ел и пил,—
И, наконец, обкушавшись блинов, скончался.

Примечание о том, что надгробие есть совершенная фантазия, не снимает догадки о том, что целью выпада является И. А. Крылов.

105. Голенищев-Кутузов, Пав. Ив. (1767—1829), поэт, в 1804—1806 гг. издал вместе с Д. И. Хвостовым и Г. С. Салтыковым журнал «Друг просвещения». В «Беседе люб. русск. сл.» не состоял, но был близок к «шишковистам». Занимал пост куратора Московского университета. Известны доносы его на Карамзина, которого он обвинял в вольнодумстве и якобинстве.
107. Попов, Вас. Степ. (1745?—1822), сподвижник Потемкина, начальник импер. кабинета, сенатор, с 1810 г. член государств. совета. Державин письмом от 17 января 1812 г. приглашал его принять должность попечителя «Беседы», взамен умершего Завадовского.
109. В № 1 «Вестн. Европы» за 1812 г., стр. 16—20, помещен «Перевод первого явления из Расиновой Есфири», в котором есть стихи:
«От Венъямина ты подобно мне изшла
«И бога Яковля замолкни торжества».
110. «Размышления об оде», «Вестн. Европы», № 2, 1812, стр. 110—136. Лебрен (Esou-chard Lebrun, 1729—1807), франц. поэт, автор многочисленных од, эпиграмм и др. Из сочинений его, изданных в 1811 г., Грамматин и перевел указанный отрывок.
Муравьев-Апостол, Ив. Матв. (1765 или 1769—1851), литератор, дипломат, сенатор, отец декабристов Муравьевых. Он был членом «Беседы», председателем 4 разряда Росс. Академии. Ему принадлежит ряд переводов («Школа злословия», 1794, «Облака», 1821), «Описание путешествия в Тавриду» (1823) и др. В 1813—1814 гг. в «Сыне Отечества» было напечатано 12 писем его, посвященных нашествию французской армии и его результатам (см. прим. 186). В «Беседе» он читал перевод прозой 3-й сатиры Горация, так не понравившийся Хвостову.
111. Львов, Фед. Петр. (1766—1836), писатель, чиновник, родственник Державина, деятельный участник «Беседы». Стихи и послания его вышли в 2 частях в 1831 г. Львов издал «Объяснения на сочинения Державина», основанные на подлинных объяснениях, продиктованных самим поэтом жене Львова, Елизавете Николаевне. В «Беседе» читались: стихи «Цветок» и «Ручей», напечатанные в «Чтении в Беседе люб. русск. слова», кн. 2, «Другу моему. О счастье», «Письма графини Н. Н., живущей в Мало-

- россии» (кн. 6), письма Скимнина (отдельное изд. 1813 г.).
- Язвицкий, Ник. Ив. (Ник.?), педагог и литератор. В 1810 г. учитель С.-Петербургской гимназии, затем учитель русского языка у имп. Елизаветы Алексеевны. Дальнейшая судьба неизвестна. Написал несколько руководств по теории словесности и языковедению: «Рассуждение о словесности вообще» (СПб., 1810), «Введение в науку стихотворства» (1811) и др., перевел с франц. «Всеобщую философическую грамматику». Эти работы вызывали заслуженную критику вследствие небрежности автора и его недостаточных знаний. Ода Язвицкого на взятие Рушук, разбивавшаяся в «Беседе», напечатана им в книжке «Оды похвальные» (1811). «Боян» о котором упоминает Хвостов — сокращенная редакция «ироической песни» «Игорь Святославич», напечатанной в кн. 6 «Чтения в Беседе люб. русск. слова».
112. Гагарин, кн. Павел Гавр. (1777—1805), генерал-адъютант, автор книги «Тринадцать дней в Финляндии» (М., 1809), перев. на французский язык. Его «Эротические стихотворения» были изданы в С.-Петербурге в 1811 г. без имени автора. Хвостов разбирает эпиграф к этой книге, где говорится, что Рим и Афины боготворили поэзию и т. д.
113. Евгений Болховитинов, историк литературы, археолог, библиограф, с 1808 по 1813 г. был епископом в Вологде. Он обратил внимание на находившиеся в Вологодской семинарии рукописи Апостола и Евангелия и, сличая их с другими древними памятниками, занялся вопросом о древнем переводе писания на славянский язык. Рассуждение его на эту тему читалось в Росс. Академии, но не было допущено к печати, и насколько известно, не сохранилось (см. Срезневский, И. И., «Воспоминания о научн. деятельности Евгения». Сб. статей, читанных в ОРЯС АН, т. 5, вып. 1, 1868).
115. В № 1 «СПб. Вестника» за 1812 г. раскрытирована «Всеобщая философическая грамматика» Ник. Язвицкого (1811 г., на титульн. листе 1810 г.). Автор перевел и переработал «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot», но сделал это очень плохо. О незнании им языка говорит тот факт, что он называет эту книгу «сочинением французского писателя Порт-Рояля» (!). «Жаль, — прибавляет критик «СПб. Вестника» (Г.—Грамматин?), — что он в самом начале не поместил биографии сего знаменитого француза».
117. «Британик» шел в переводе С. П. Потемкина и П. Ф. Шапошникова. В мае 1812 г. Валберхова совсем оставила театр, «не выдержав соперничества с Семеновою» (Арапов, «Летопись русск. театра», стр. 216).
119. См. прим. 2.
121. Об инциденте, происшедшем между Д. В. Дашковым и Д. И. Хвостовым в «Обществе люб. словесности, наук и художеств» 14 марта 1812 г., см. Дмитриев, М. А. «Мелочи из запаса моей памяти» и Тихонравов, Н. С. «Д. В. Дашков и гр. Д. И. Хвостов» (Соч., 1898, т. III, ч. 2). Большинство голосов Дашков, оскорбивший Хвостова, был исключен из членов общества 18 марта того же года. Речь Дашкова впервые опубликована в кн. 4 «Чтений в Общ. истор. и древн. росс.», 1861 г., стр. 183—186.
- Стихотворение Милонова «Глас патриота», с приводимыми Хвостовым выражениями, напечатано в «СПб. Вестнике», 1812 г., № 6. Неведомский и Соларев — незначительные современные поэты.
122. Бекетов, Платон Петр. (1776—1836), издатель («Пантеон российских авторов», «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям»), с 1811 по 1823 г. председатель «Общ. истор. и древн. росс.».
123. Патрикеев — стихотворец конца XVIII — начала XIX века, «известный уличный стихотворец», как называет его в своих «Записках» Жихарев, рассказывая несколько анекдотов о его эпиграммах и «нелепых» стихах с бесконечным нанизыванием рифм (см. Жихарев, С. П. «Записки современника», Academia, 1964, стр. 265, 488—489, 506).
124. М-ме Сталь прибыла в Россию в половине июля 1812 г. и через несколько месяцев осенью того же года выехала в Швецию. Описание путешествия по России занимает главы X—XX в ее книге «Mémoires de m. de Staël», изданы в 1818 г.
125. «О похвальных словах Ломоносова», «Вестн. Европы», 1812 г., № 11, стр. 201—225 за подписью К.
- «Письмо из Филадельфии» помещено в «Вестн. Европы», 1812, № 14, стр. 201—223. Свинын, Пав. Петр. (1787—1839), литератор и художник, в 1811—1813 гг. был секретарем русского генерального консула в Филадельфии. В 1814 г. он издал «Взгляд на республику Соединенных штатов американских областей», в 1815 г. «Опыт живописного путешествия по Северной Америке», в которых изложил впечатления об Америке. Стихи Хвостова «П. П. Свиныну» см. Собр. соч., 1829, т. III, стр. 83.

126. Переводу Тацита Поспеловым (см. о нем прим. 97) посвящен анонимный «Разговор живого с мертвым», в котором выясняются грубые ошибки переводчика.
- «Опыт о русском стихосложении» Востокова печатался в №№ 4, 5 и 6 «СПб. Вестника» за 1812 г.
- В №№ 5 и 6 за подписью В (Востокова) помещен разбор «Введения в науку стихотворства» Н. Язвицкого (СПб., 1811, о нем см. прим. № 11). Рецензент отмечает «ложные и темные мысли» книги, любовь автора к «славянским» речениям («деяпись» вм. «история», «мудролюбы» вм. «философы»), критикует панегирик Тредиаковскому, указывает на скромное место этого поэта в истории русской словесности и в заключение признает лучшим местом книги... «посвящение оной в стихах» (!).
127. В рецензии на представление «Марии Стюарт», состоявшееся 23 июня 1812 г., Н. Хмельницкий («СПб. Вестник», 1812, № 6, стр. 330 сл.) возражает против доступа трагедий Шиллера на русскую сцену и защищает позиции театра французского классицизма. Любопытно, что трагедию Шиллера он считает недостойной таланта Семеновой. Хвостов не понял основной мысли рецензента.
129. Помещена в V томе Полн. собр. стих., стр. 67 и сл.
131. Делиль (Delille, 1738—1813), франц. поэт и переводчик Энеиды, Георгия Виргилия и др. Оригинальные поэмы его «Dithyrambe sur l'immortalité de l'âme», «Les jardins» неоднократно переводились на русский язык.
- Прадон (Nicolas Pradon, 1630 или 1632—1698), франц. писатель, противник Буало и Расина, автор трагедии «Федра и Ипполит», написанной и поставленной в 1677 г. с целью добиться провала «Федры» Расина. Прадону принадлежит ряд посредственных трагедий, стихов и резких полемических сочинений, направленных против Буало.
133. Трагедия Державина «Евпраксия» (1808) при жизни автора не была напечатана и не ставилась на сцене. Дело, однако, было не в цензурных задержках. Шаховской и Дмитревский, опасаясь, что пьеса не будет иметь успеха на театре, отказались от постановки. (Соч. Державина, т. VIII, стр. 887.)
138. Эта запись ярко показывает болезненную страсть Хвостова к писательству. Невозможность напечатать оду огорчает его не меньше, если не больше, потери дома, а дом ценился недешево. В примечаниях к 3-й книге лирических стихотворений (Собр. соч., 1829, т. II, стр. 292) Хвостов пишет: «Наполеон в 1812 году не пощадил находящегося в Москве авторова дома, который стоил более 60 тысяч и который после пожара продан за 13 тысяч рублей».
139. Суровая оценка трагедии Хераскова, сделанная Хвостовым в дневнике, не помешала ему выступить в «Сыне Отечества» (1812, № 4, стр. 174) с патриотическим стихотворением «Освобождение Москвы», в котором, обращаясь к Хераскову, он восклицал:
- «Твоей бессмертной лиры звуки
Вновь исторгают слезы россов» и т. д.
140. «Стихотворная песнь» в 1500 стихов — «Ночь на гробах» кн. Шихматова, — один из образчиков подражаний английскому поэту Юнгу (1681—1765), чьи произведения вошли в моду в России в 10—20-х годах XIX в. Ранее, в 70-х годах XVIII в., Юнга переводили масоны (журн. «Вечера», «Утренн. свет»). Хвостов говорит о «динословии» Шихматова; Батюшков, присутствовавший на чтении «Ночи» в «Беседе», назвал ее «набором рифм и слов» (Соч., т. III, стр. 182). Примечательно, что Шишков, впоследствии борющийся с мистиками на посту министра просвещения, поощрял подражания Юнгу Шихматова и сам читал в «Беседе» отрывки из «Ночи». Обширные выдержки, сопровождаемые восторженной оценкой, были напечатаны в 8-й кн. «Чтения в Беседе люб. русск. слова», 1813 г.
141. См. прим. 87.
146. Вязмитинов, граф Серг. Кузьмич (1749—1819), главнокомандующий в С.-Петербурге с сентября 1812 г., председатель комитета министров, в 1816 г. С.-Петербургский генерал-губернатор. Вязмитинов был причастен к литературе, в 1781 г. он написал оперу «Новое семейство».
150. Лебрехт, Карл Алдрович (1755—1827), медальер, академик Акад. Художеств. Наиболее замечательны гравированные им медали на столетие Петербурга, на раздел Польши, на открытие С.-Петербургской биржи, в честь Суворова, Потемкина, Грейга, Шереметева и др.
151. О привозе статуи Наполеона из Гамбурга в Петербург извещал «Сын Отечества» (1813, ч. XXIII, стр. 160).
153. Отчет об освящении знамен испанского полка см. в «Сыне Отечества», 1812 г., № XXIX; там же, в № XIX помещены стихи Д. И. Хвостова «На присягу испанцев в Сарском селе», совершенную 2 мая 1812 г.

156. Филарет, до пострижения Вас. Мих. Дроздов (1782—1867), московский митрополит и крупнейший церковный деятель XIX в., в 1813 г. был ректором С.-Петербургской духовной академии и профессором богословских наук. «Слово» его «пред погребением светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского, говоренное... июля 13 дня 1813 года», было тогда же напечатано отдельно; помещено в собраниях речей, мнений и отзывов Филарета (первое изд. 1820 г., посмертное 1873—1885 гг.). Орден был ему дан не за проповедь, как предполагал Хвостов, а за «неусыпные труды по званию ректора» и т. д. (Рескрипт 29 июня 1813 г.)
157. Во 2-м письме из Москвы в Нижний Новгород («Сын Отечества», № XXXVI, 1813) И. М. Муравьев-Апостол (о нем см. прим. 110)

говорит о нравственном зле, которое представляет собой война, о том, что бог может стереть с земли тирана, богача, но чем прогневал его бедный поселянин? «А я видел их, — прибавляет автор, — целые тысячи, лишенных крова, скрывающихся в лесах, в жилищах зверей». В руках человека война сделалась промышленностью, и Наполеон — фабрикант мертвых. Несмотря на различие деизма, политеизма, исламизма по внешнему виду — в существе они однородны и служат одному». Очевидно, эти мысли в целом глубоко патриотических писем Муравьева Хвостов и называет «развратными». В письме к Евгению в ноябре 1812 г. он интересовался, кто является автором писем. «Говорят, Марков», — ответил Евгений, а письма назвал «прекрасными».

2. ИЗ ИСТОРИИ «БЕСЕДЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА»

Материалами к истории «Беседы любителей русского слова» обычно служили отрывочные воспоминания современников, сведения из переписки, журнальные статьи и заметки. Опубликованные недавно В. А. Десницким «Дневники» Беседы за 1811/1812 г. («На литературные темы», 1935, кн. 2), несмотря на свой протокольный характер, явились новым и ценным вкладом в фонд наших сведений о «Беседе». Благодаря им воссоздается порядок заседаний, уточняются списки прочтенного материала, состав участников, круг разбиравшихся вопросов, и общая картина становится гораздо более ясной. Ряд любопытных штрихов передают и впервые публикуемые в настоящем томе «Литературного Архива» «Записки о словесности» Д. И. Хвостова, добавляющие к сухим протоколам впечатления и мысли одного из ревностных участников «Беседы», далеко не во всем согласного со своими коллегами.

Но деятельность «Беседы» нельзя изучать только с момента ее торжественного открытия 14 марта 1811 г. Она началась значительно раньше.

По достоверному свидетельству С. П. Жихарева, в 1807 г. в домах Державина, Шишкова, Хвостова, Захарова, происходили собрания, в которых принимали участие лица, вошедшие впоследствии в состав «Беседы». Занятия носили не только литературный характер. Грот («Жизнь Державина», стр. 902—903) указывает, что на вечеру у Захарова присутствовали сенаторы,

камергеры, оберпрокуроры, разговор шел о делах служебных. Разносторонность интересов кружка подчеркивает В. А. Десницкий («На литературные темы», кн. 2, стр. 195): тематика разговоров и чтений бывала связана со злобой дня, с общественно-политическими событиями. Бу ущие «беседчики» не замыкались в узколитературных рамках.

«Жихарев вскоре уехал из Петербурга, — продолжает Грот (стр. 904), — и мы не имеем сведений о дальнейших собраниях этого литературного круга. Но что они продолжались, видно как из переписки Державина, так и из свидетельства Аксакова в его «Воспоминаниях о Шишкове», у которого, по его словам, в 1809 и 1810 гг. собирались литераторы и кое-что читали».

Постепенно из этих дружеских собраний рождалось оформленное литературное сообщество. В своих «Записках о словесности» за 1810 г., № 4, Хвостов говорит о том, что ожидается утверждение «Лицей или публичного чтения», и добавляет: «Сей Лицей составляется из особ, съезжавшихся прежде для того же предмета в домах Г. Р. Державина, А. С. Хвостова, Шишкова и у меня». В другой заметке (№ 11) Хвостов пишет: «В понедельник 4 декабря [1810 г.] было первое собрание Афиней» и приводит замечание Д. П. Горчакова «Атеней хорошо, но ненадобно выговаривать Афиней, ибо скажут: Ахиней». Через несколько дней, 13 декабря, было придумано утвердившееся название нового

общества — не в греческом, а в славяно-русском духе, и в заметке № 16 Хвостов говорит уже о законах «Беседы» и зале ее собраний. Об этом же пишет и Гнедич в письме Капнисту 2 января 1811 г.: «у нас заводится названное сначала Лицей, потом Атеней, и наконец Беседа — или общество любителей Российской словесности. Это старая Российская академия, переходящая в новое строение; оно есть истинно прекрасная зала, выстроенная Гавриилом Романовичем в его доме» (Соч. Державина, т. VI, стр. 374).

Начиная с этого момента, мы имеем протоколы «Беседы» и издания ее «Чтения», но предыдущий период освещен только в мемуарах Жихарева и Аксакова и то лишь относительно 1807, 1809 и 1810 годов. Год 1808 выпадает вовсе, и тем существенней получение сведений о работе кружка «беседчиков» на этом этапе. Выявление новых материалов в архиве Д. И. Хвостова позволяет, наконец, заполнить пробел.

Как явствует из помещаемого ниже «Журнала 1808 года», дружеские собрания будущих «беседчиков», начавшиеся регулярно в 1806—1807 гг., понемногу принимали организационные формы. В 1808 г. было решено завести «книгу для протоколов» с тем, чтобы впоследствии, «ежели за благо рассудится», составить сборник из прочитанных за год материалов. Более того, в заседании 15 мая «положили с наступающего сентября месяца приступить к изданию журнала». Неизвестно, что помешало этим планам. Организация «Беседы» задержалась еще на три года, и только в 1811 г. вышла первая книжка «Чтения в Беседе любителей русского слова». Однако тенденции к организационному оформлению общественно-литературного содружества отчетливо намечены уже в этот ранний период складывающейся «Беседы».

В собраниях присутствовали Державин, Шишков, оба Хвостовы, Кикин, Вельяминов Карабанов, Дмитриевский, Писарев, — «актив» будущей «Беседы», ее основные участники. Они читали свои произведения, рассуждали о русском языке в плане изысканий Российской Академии, слушали дружеское письмо Нелединского-Мелецкого к Д. И. Хвостову и ответ последнего, рассматривали письма Д. И. Хвостова по поводу Суворова и его оценки в современной печати. Круг занятий широк и носит характер разнообразия. Чрезвычайно любопытно, в частности, письмо Д. И. Хвостова к С. Н. Глинке о тактике Суворова. В № 2 «Русского Вестника» за 1808 г. была помещена заметка о перстне с портретом Суворова, окруженном выгравированными словами его: «быстрота, штыки, победа, ура»; к этим словам Суворов, увидевший перстень, якобы велел прибавить «натиск» и заявил, что в этих словах заключается вся его военная

тактика. Хвостов, находившийся с Суворовым в родственных отношениях и хранивший его бумаги, считал себя компетентным во всех вопросах, касавшихся Суворова, и действительно обладал значительными и интересными материалами, накопившимися за годы личного общения со своим знаменитым родственником. Он откликнулся на публикации воспоминаний и анекдотов о Суворове, сообщал различные факты из его биографии, полемизировал с журналистами до конца своих дней. В патриотическом увлечении Глинки, прославлявшего русского героя Суворова, Хвостов сразу уловил демагогические нотки, почувал «красной» характер его национализма. Восхваление Суворова «Русским Вестником» Хвостов понял как принижение опытного и искусного полководца, в совершенстве знавшего военную науку и отнюдь не ограничивавшего своей тактики формулой «штыки и ура». Рассудительно и настойчиво разъяснял он «энтузиасту»-издателю, что «ура никак не входит в тактику», что «штыки суть оружие, а не тактика», рекомендовал «проповедывать просвещение и поощрять к познанию всех наук», а не отвлекать от изучения военного искусства.

Подписав письмо фамилией Беспристрастнова, Хвостов отправил его в «Русский Вестник», но напрасно ждал опубликования. Глинка не напечатал письма и ответил Хвостову в кн. 7 в редакционном «Замечании», оправдываясь перед «некоторыми порицателями «Русского Вестника», которые «сказали, что издатель одобряет невежество». Ссылаясь на различные примеры, Глинка отвергает формулы Монтекукули («для производства войны нужны деньги, деньги и деньги») и Дантона («для успехов войны нужна дерзость, дерзость и дерзость») и вновь повторяет: «Сокращенное основание русского военного искусства: взор, быстрота, штыки, ура! Бог, вера, отечество и царь православный». Все же эта критика заставила Глинку обратить внимание на военное искусство вообще, и с № 10 он начинает печатать «Замечания о военном искусстве», продолжающиеся и в 1809 г., в которых цитирует военных писателей, уставы и исторические сочинения и продолжает обосновывать тезис о непобедимости «штыка».

Письмо Нелединского-Мелецкого и ответ на него Хвостова имеют главным образом бытовой интерес и потому выпущены нами в настоящей публикации. Письмо Евгения Болховитинова было опубликовано Я. К. Гротом в «Сборнике статей, читанных в ОРЯС АН», том 5 и не включено по этой причине.

Однородность состава членов и направления деятельности «Беседы» и Российской Академии бросалась современникам в глаза, о чем свидетельствует приведенное выше письмо Гне-

дича. Близость эта еще более заметна на ранних этапах развития «Беседы». Так, из журнала 1808 г. выясняется интерес собиравшихся литераторов к вопросам орфографии. Правописание приставок *воз, раз, из* в то время занимало и Российскую Академию. Обсуждение этой темы на собраниях кружка 17 и 24 апреля подготавливало материал для ответа на вопрос о правописании приставок в зависимости от словопроизводства и произношения, предложенный Академией. А. С. Шишков 18 июля 1808 г. представил Академии свою точку зрения; разбирая различные случаи употребления приставок, он пришел к выводу, что руководствоваться только словопроизводством нельзя, что «правила устанавливаются по языку, а не язык по правилам» (Сухолинов, Ист. Росс. Ак., т. 7, стр. 196—199). А. С. и Д. И. Хвостовы считали необходимым установить правило «от Академии», хотя бы оно и применялось с ограничениями.

Благодаря обилию филологических рассуждений на собраниях этой группы лиц, может показаться, что в «журнал» попросту занесены протоколы заседаний Российской Академии. Вообще говоря, грань между этим учреждением и «Беседой», руководившимися долгое время А. С. Шишковым, зачастую наметить трудно. Однако в данном случае мы имеем дело не с заседаниями Российской Академии. Работа ее велась в принадлежавшем ей доме, заседания носили строго регламентированный и официальный характер, участникам выдавались специальные жетоны — «дарики» и т. д., между тем как в журнале проглядывают черты тесного дружеского кружка. Кроме того, Кикин не состоял членом Российской Академии, Писарев был избран в 1809 г., а Вельяминов в 1835 г., стало быть, в заседаниях Академии 1808 г. принимать участия они не могли.

Д. И. Хвостов, получивший поручение хранить книгу для протоколов «с помещением в одну всех рукописей, читанных членами собрания», выполнил эту задачу только относительно своих сообщений. Так, он включил все читанные им письма и даже вписал рифмы, подобранные им для А. С. Хвостова, но материалов остальных участников в книге нет. Их не сохранилось и в архиве Хвостова, так что, повидимому, они вообще не передавались секретарю.

Все же, благодаря журналу удается установить дату чтения Державиным перевода трагедии Де-Беллуа «Зельмира». В примечании к напечатанному в сочинениях Державина отрывку из 2-го действия «Зельмиры» Грот (т. IV, стр. 790) указывает, что «перевод Державина сделан был, как видно из его Записок, до 1813 года». Очень приблизительная датировка эта может быть теперь уточнена: 8 мая 1808 г. Державин в доме А. С. Шишкова читал свой перевод «Зельмиры». Это обстоятельство подчеркивает усиленную работу Державина в области драмы в 1807—1809 гг. («Евпраксия», «Темный», «Ирод и Марианна», «Федра», «Зельмира»).

Журнал занимает 1—7 листы в книге, озаглавленной «Журнал входящих и исходящих бумаг с 1-го сентября 1829 г.» и помеченной Хвостовым в порядке нумерации его архива № 47; по описи библиотеки М. И. Семевского № 322/14. Текст написан писарской рукой. С оборота листа 8-го идет опись входящих бумаг Хвостова 1829 года. На первом листе в правом верхнем углу пометка: «См. П. Морозов. 1876». Однако в своей статье о Хвостове («Русск. старина», 1892, №№ 6, 7, 8) Морозов не упоминает о журнале, приводя только общеизвестные данные об организации «Беседы».

ЖУРНАЛ

1808 года

Марта 28 дня, в пятницу 6-й недели великого поста, было собрание в доме Александра Семеновича Хвостова в 8-м часов вечера.

В собрании были:

Гаврила Романович Державин, Александр Семенович Шишков, граф Дмитрий Иванович Хвостов, Кикин.

1-е. Читали замечание Александра Семеновича Хвостова о настоящем упражнении Российской Императорской Академии и о том, в чем ей упражняться должно. [*Притиска рукой Хвостова Д. И.: Сие в Беседе не напечатано.*]

2-е. Ал. С. Хвостов читал письмо свое о пяти слогах в Российском языке к г. Шишкову.

3. Ал. Сем. Шишков читал Анекдоты Екатерины 2-й.

4. Читали последний листок Драматического вестника, в коем находился отрывок перевода 1-го и 2-го явления из Ифигении Расиновой и басенки г. К.; в числе эпитагматических прекраснейшая, называемая «Музыкант», в коей только заметить можно рифмы «удивленьем-умиленьем», придающие некоторую тяжесть простому разговору, а при том сомнительно, чтобы оборот «они с прекрасным поведением» был свойствен нашему языку.

Апреля 10 дня, в пятницу на святой неделе, было собрание в доме Гаврила Романовича Державина.

В собрании были:

Александр Семенович Шишков.
 Александр Семенович Хвостов.
 Граф Дмитрий Иванович Хвостов.
 Петр Андреевич Кикин.
 Иван Александрович Вельяминов.

Собранием определено составить книгу для протоколов, которую и хранить графу Дмитрию Ивановичу Хвостову с помещением в оную всех рукописей, читанных членами собрания так, чтобы от Генваря до Генваря, ежели за благо рассудится, могло составить целую книжку для печати.

Александр Семенович Шишков читал новосочиненный Анекдот об оде к Фелице и некоторые другие.

Граф Дмитрий Иванович Хвостов читал выписку из Письма преосвященного вологодского об Игорева песне¹ и письмо свое к издателю «Русского вестника», с приложением письма покойного государя императора Павла 1-го от 4-го Генваря 1799 года о вызове фельдмаршала князя Итальянского графа Суворова Рымникского в Санкт-Петербург для принятия команды в Италии над союзными императорскими войсками.

Апреля 17 дня собрание было в доме Александра Семеновича Шихова, в коем присутствовали Александр Семенович и граф Дмитрий Иванович Хвостовы, рассуждали о утверждении правописания предлогов «воз», и проч. пред литерами «т», «с» и «к», как оное постановить — от производства ли, слов или от выговора. Александр Семенович Хвостов полагает, что в сем случае необходимо должно Академии постановить правило, хотя бы оно иногда и исключениям подвергалось. Граф Хвостов того же мнения, то есть держаться словопроизводства. Ибо в самых затруднительных словах: «взвизгнул», «вздогнул», «взбеленился», «взкликнуть», литера «з» остается только на бумаге, а грубого и неприятного выговора не делает, потому что ничто в упомянутых словах, произнося их, не будет упираться на литеру «т». Впрочем, не погрешительное правило то, что нет правила без исключения. Обычай — царь языков — сам собою покажет, где есть неудобность следовать правилу. Сему в доказательство послужат наши священные книги. Ибо глагол «стать» с предлогом «воз» не пишут «возста», а просто «и воста с вечерш». Таковых же слов число малое; то для них и не стоит отрицать постановляемое правило словопроизводства.

¹ Письмо Евгения Болховитинова, в 1808—1813 гг. бывшего Вологодским епископом, о переводе «Слова о полку Игореве», выполненном А. А. Палицыным и напечатанным в кн. 3 «Сочинений и переводов Рос. Академии». Перевод характеризуется как «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французорусском кафтане»; «читая Палицына я только вспоминал о древности, — говорит Евгений, — тут вижу, с позволения сказать, передразнивание, а не предложение Игоревой песни...» — А.З.

2-е. Читал некоторые письма генераллссима князя Итальянского к разным особам во время итальянской кампании. Нашел более сорока А. С. Хвостову однозвучных окончаний для употребления в стихах, где говорит эхо, кои будут ниже, как то:

Пожар — жар. Одно — дно. Любить — бить. Кума — сума — ума. Моя — я. Скотина — тина. Удар — дар. Помело — мело. Ударом — даром. Забор — бор. Моего — его. Сия — и я.хлопот — пот. Одна — дна — на. Алтын — тын. Велик — лик. Хмель — мель — ель. Платок — ток. Вода — да. Покров — ров. Причина — чина. Слов — лов. Взбесила — сила. Клубок — лубок. Сел — ел. Коса — оса. Довольно — вольно. Мал — ал. Голубок — лубок — бок. Подол — дол. Виноград — град — рад. Глубоко — око. Крот — рот. Понестъ — есть. Кум — ум. Приди — иди. Человек — век. Край — рай. Забудь — будь. Плетень — тень. Пророк — рок. Козла — зла, и пр.

Апреля 24 дня собрание было в доме Гаврила Романовича Державина. Присутствовали Александр Семенович Шишков, Александр Семенович Хвостов, граф Дмитрий Иванович Хвостов, Иван Александрович Вельяминов, Петр Матвеевич Карабанов, Александр Александрович Писарев, Иван Афанасьевич Дмитриевский, Петр Андреевич Кикин.

1. Рассуждали о предлоге «воз» и по сему случаю Александр Семен. Шишков полагает, что литеру «з» перед некоторыми литерами без исключительно ставить не можно, а требуется инде переменять ее на литеру «с».

2. Гаврила Романович Державин приписывает речению «распутный» и «разпутный» различные знаменования, относя первое к непостоянству и недостатку твердости духа в намерениях и делах, а другому свойство порока страстей и соблазна.

Потом занимались различными рассуждениями.

1 Мая. Было собрание в доме Александра Семеновича Хвостова. Присутствовали Александр Семенович Шишков, Александр Семенович читал письмо русского Анакреонта¹ после тяжкой болезни и ответ свой к нему. Александр Семенович Шишков читал несколько мест из перевода своего «Pastor Fido». Сравнение притчей Лафонтена с нашим Сума-роковым.

Хвостов, граф Дмитрий Иванович Хвостов, Иван Александрович Вельяминов, Петр Матвеевич Карабанов, Александр Александрович Писарев.

Читали некоторые сочинения князя Горчакова и других.

Александр Семенович Хвостов читал некоторые псалмы преложения своего.

Мая 8 в доме Александра Семеновича Шишкова было собрание, в котором были: Гаврил Р. Державин, Ал. С. Хвостов, граф Дмитрий Ив. Хвостов, Ив. Ал. Вельяминов, Петр. Матв. Карабанов, Алексан. Алек. Писарев, Ив. А. Дмитриевский.

Гав. Ром. Державин читал Зельмиру — трагедию в 5 действиях в стихах, им переделанную с французского из театра г. Дю Беллуа.

15 мая собрание было в доме Г. Р. Державина. В присутствии были Петр Андреевич Кикин, граф Дмитрий Иван. Хвостов, Алек. Сем. Шишков, Иван Афанасьевич Дмитриевский.

Положили с наступающего сентября месяца приступить к изданию журнала, о чем тогда в собрании сделать особое постановление, а между тем предложить членам, чтобы каждый привозил с собою сочинение или перевод на прочтение и одобрение всего общества для помещения в журнал.

¹ Ю. А. Нелединского-Мелецкого, перенесшего в 1808 г. апоплексический удар. — А. З.

«ПИСЬМО Д. И. ХВОСТОВА К ИЗДАТЕЛЮ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

Милостивый государь мой.

Читал с большим удовольствием «Русского вестника», вами издаваемого, весьма для меня приятно, что вы, одушевленные любовью к отечеству, стараетесь наполнить его точно русскими сочинениями, и судя по себе думаю, что сие всем моим согражданам нравится: потому что всем благородным сердцам отечество любезно, — говорит довольно складно скверный враль Вольтер.

Во второй книжке вашего журнала особенно меня тронул анекдот героя нашего князя Суворова. Всякая безделица, касающаяся до сего великого, славного, удивительного мужа, важна. Муж, которого каждый шаг ознаменован победою, каждое слово сказано с целию, каждое действие сделано для общего блага. Итак, разумея Суворова одинаково с вами, быв сам в военной службе и зная, сколь много всякая черта сего бессмертного человека на войско имеет влияния, за долг поставляю сообщить вам мое замечание на сей анекдот и указать вашу, по моему мнению, ошибку, которая конечно от того происходит, что вы в военной службе не служили, и которая может завлечь в заблуждение пылкие головы молодых офицеров, прельщенных вашим красноречием. Она состоит в следующем. Вы говорите, милостивый государь мой, что сии пять слов: Быстрота, победа, ура, штыки и натиск составляли всю тактику бессмертного Суворова. От сего знаете-ли, что может произойти? То, что для исполнения сей тактики каждый офицер, как можно быстрее, не дожидаясь повеления, бросится в атаку и тем расстроит общий план командующего генерала. Желая достать победу, получит без всякой пользы смерть себе и своим подкомандующим. Потому что, коль скоро закричат все ура, то в таком шуме нет возможности никаким войском управлять, а управление нужно, в случае, когда бросятся на штыки, так где откроется батарея, с которою никак штыками сладить невозможно, тогда должно напрасно погибнуть или спастись натиском, которому настоящего означения никто не зная, иной шалун переведет «бегством».

Вот пагубные следствия, произведенные самою благородною причиною, то есть вашим похвальным к Северному герою энтузиазмом. Если б вы с большим хладнокровием писали, то бы увидели, что быстрота предписывается тактикою, но не единственно ее составляет. Победа не есть тактика, но производится ею, так как наши сочинения не есть удовольствие, но производят оное. Ура никак не входит в тактику. Знающие люди говорят, что сей как можно реже, или лучше сказать никогда не должно употреблять, разве когда приметно, что войско не очень охотно атакует. Крик сей непременно выводит войско из военного повиновения, потому что при крике команда не слышна, а без команды войско без повиновения, а повиновение, может быть по предрассудку, издревле считается душою войска. Штыки суть оружие, а не тактика, Вы сами это знаете и опытные люди говорят, что должно употреблять их весьма осторожно, потому что если неприятель знает свое дело, умеет выбирать местоположение и имеет хорошую артиллерию, то штыками ничего ему не сделаешь. Что касается до натиска, то как ни вы, потому что сего слова нам не истолковали, ни я и никто, кроме бессмертного Суворова, оному значения не знает, то конечно можно полагать, что оно в себе заключает всю тактику, что оно означает военную дисциплину, стройность войска, знание выбора местоположения, способы, коими пехота, кавалерия и артиллерия друг другу помогают, звание укрепления; одним словом все, что составляет тактику, — наука важная, не новая, но названием своим доказывающая, что от древних греков происходит, которые всегда побеждали строем, повиновением,

типиною и смеялись над непросвещенными народами, нападавшими с криком и врассыпную. Сию то тактику знал бессмертный наш Суворов и слова его: быстрота, победа, ура, штыки и натиск, как некий таинственный талисман для непросвещенного народа, но гений его измерил всю глубину сей науки, и если можно осудить в чем ни есть сего достохвального мужа, не уступающего в славе Александрам и Юлиям кесарям, то в том, что он таинственных своих слов не истолковал, но оставил для заблуждения невежд.

Из сего вы, милостивый государь мой, ясно усмотреть можете, что слова: быстрота, победа, ура, штыки и натиск никак не могут составить тактику, но может быть как египетские иероглифы напоминали бессмертному Суворову важные истины тактики, которой, еще повторяю, и как вы сами верно знаете, науки сложной, трудной и которой учиться надобно; то вы как сын отечества и имеющий столь редкой талант красноречия для пользы любезных сограждан, должны проповедывать просвещение и поощрять к познанию всех наук и особливо столь по несчастью необходимо нужной, а не отвлекать от изучения ее, представляя ее столь маловажною, что будто бы пять слов: быстрота, победа, ура, штыки и натиск единственно ее составляют. Вы может быть взяли в пример, что славный маршал де Сакс говорит, что вся тактика состоит в ногах, то лишь кажется, что и сей известный генерал сказал сие немного неосторожно: но однакож французские писатели не дались в обман и сие стали вдруг кричать: о, ноги, ноги, но растолковали сие тем, что главная часть тактики, составлявшая стройности марша, походок, неизнуряющих людей и по которому исчислить токмо во сколько времени войско пройдет длинное пространство и достигнет желаемой цели.

Примите уверение истинного почтения, с коим навсегда пребуду ваш, милостивый государь мой,

покорнейший слуга Илья Беспристрастный.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. Д. БАЛУХАТОГО, П. К. НИКСАНОВА и О. В. ЦЕХНОВИЦЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1938